

ПРОЕКТ
«КОРОЛИ»

Часть вторая:
Оберон

KingOfVolk Sapher

18+

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли". Часть вторая

«Автор»

2026

Sapher К.

Проект "Короли". Часть вторая / К. Sapher — «Автор», 2026

После первого Ключа Бездны путь Николауса уводит не к передышке, а в сердце эльфийского леса — туда, где Оберон спит, вросший в древо, а его сны превращают чащу в живую рану. Корни рвут землю, священные тропы чернеют, эльфийская память трещит, и из мрака выходят новые хозяева леса: крысы в черепахах, кабаны с каменными топорами, олени-шаманы и твари, пьющие силу из самой плоти короля. Чтобы добраться до Оберона, герой должен пройти через ядовитые пещеры зелёных, рошу единорогов, храмы, логова и ритуальные ямы, где каждый шаг может разбудить древнее зло. Но чем больше корней падает от его руки, тем яснее становится: лес не просто болен. Он выбирает, кого сожрать, кого пропустить и кто станет новым голосом его ярости. В этой части Николаус уже не только ищет дорогу домой — он вторгается в сон короля, который может проснуться спасителем, чудовищем или началом конца. Обложка и картинки созданы в чате GPT.

© Sapher К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тридцать вторая глава	5
Тридцать третья глава	24
Тридцать четвёртая глава	42
Тридцать пятая глава	64
Тридцать шестая глава	79
Тридцать седьмая глава	94
Тридцать восьмая глава	108
Тридцать девятая глава	117
Сороковая глава	130
Сорок первая глава	142
Конец ознакомительного фрагмента.	154

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли". Часть вторая

Тридцать вторая глава

«Адский лес»

Когда всё началось, я был обычным человеком из 2055 года. Открыл игру — а вместо игры попал в мясорубку под названием «Короли». Мне дали номер 261, бросили на арену, где сотни людей резали друг друга ради выживания, и поставили перед выбором: стать убийцей или пойти дальше по мирам, в которых чудовищ было не меньше, чем людей. Там же я впервые услышал имя Клыка. Там же впервые увидел Розу. И там же, кажется, кто-то решил, что мы оба слишком опасны, чтобы оставить нас в покое.

Потом была башня. Гнарл. Бурье. Падение прежнего владыки. Сердце Башни. Старый отряд «Молния», семь героев, разошедшихся по миру и сгнивших в своих смертных грехах. Мэлвин Толстопуз, Одноглазый, Оберон, Вильям, Кан, Юлия, Виктор — имена, которые сначала звучали как легенда, а потом начали вставать у меня на пути одно за другим.

После этого был долгий поход через восточные земли: лагерь «Смерть», замок Кутеж, дом полуросликов, кухня, пиршество Мэлвина, норы, туман, красный улей, кузня на западе, лесной храм, огненный меч Одноглазого и бездна, которая всё это время будто бы ждала, когда я дойду до её самого дна.

А внизу меня встретил ложный рай Мэлвина. Три испытания. Арена. Живой Мэлвин, превращённый в замок и стража собственной бездны. Его освобождённая душа открыла мне путь к первому Ключу Бездны. Я забрал его, вынес наружу и обрушил всю эту красивую, гниющую ложь. Но вместе с гибелью бездны в мир вышел ещё кое-кто.

Белый скелет.

Палач.

И с этого момента стало ясно: всё, что было прежде, было только первой половиной дороги.

Как только я вернулся в башню, Гнарл встретил меня так, будто боялся, что я тоже сейчас рассыплюсь, как тот ложный рай.

— Ну вот, хозяин, — сказал он, тяжело дыша. — Нет больше той адской дыры в Спелых холмах. Люди смогут спать спокойно.

Я посмотрел на чёрный артефакт, лежавший на каменном столе под толстой тканью.

— Я достал первый камень из ада, — сказал я.

Гнарл замолчал.

Потом поднял на меня глаз и спросил уже совсем другим голосом:

— Так вы всё-таки решили пойти против бога?

Я нахмурился.

— Против какого ещё бога?

Гнарл коротко, почти виновато усмехнулся.

— Всё время забываю, что вы вошли в эту историю с середины, хозяин. А не с начала.

— Тогда рассказывай с начала, — сказал я. — И без твоей привычки перепрыгивать через самое важное.

Гнарл кивнул.

И заговорил.

*** *Бог из Ада* ***

— В самые древние времена, — начал он, — когда мир был ещё молод, а эльфы не делили леса с людьми, над всем сущим стояли два великих начала. Первое — Богиня Матерь, эльфийское божество жизни, крови земли, урожая, леса и света. Второе — Забытый Бог. Тот, кого теперь чаще зовут Клыком.

Я слушал молча.

— Матерь растила, — продолжал Гнарл. — Поднимала леса, давала зверям логова, наполняла реки, учила землю плодоносить. А Забытый Бог жил рядом с другим. С тем, что всегда шло следом за жизнью: страхом, гневом, завистью, жадностью, похотью, злостью, жаждой власти. Он не создавал это — он этим питался.

— А потом захотел большего, — сказал я.

— Не большего, — возразил Гнарл. — Всего.

Он сделал паузу, будто и сам видел перед собой не тронный зал Башни, а какой-то доисторический ужас.

— Однажды Клык решил, что миру не нужен второй бог. Что страх сильнее любви, а ужас долговечнее надежды. И поднялся против Матери. Началась война, после которой само слово «война» кажется слишком тихим. Земля трескалась. Горы лопались. Небо горело грозами. Леса тонули в пепле. Вулканы заливали реки камнем. Тысячи зверей, тысячи людей гибли просто потому, что два божества делили право назвать мир своим.

Он замолчал на мгновение.

— Но Мать была сильнее. Она сломила Клыка. Не убила — заперла. Четырьмя ключами бездны. Четырьмя печатями. Четырьмя замками, чтобы он никогда больше не вышел в мир целиком.

Я невольно посмотрел на ткань, под которой лежал мой чёрный артефакт.

Гнарл это заметил, но продолжил:

— И этого ей показалось мало. Потому что всякая печать держится ровно до той минуты, пока какой-нибудь дурак не попробует её вскрыть. Напоследок Мать создала прихвостней — тварей страха, уродливых слуг, хранителей запретных мест. Не ради красоты и не ради власти. А ради одного: чтобы все боялись подходить туда, где лежат ключи. Чтобы страх охранял запрет лучше любого замка.

— Значит, вы были нужны миру как пугало, — сказал я.

— Как предупреждение, — тихо ответил Гнарл. — Но это тоже не спасло.

Он шагнул ближе.

— Потому что Клык, даже запертый, не исчез. Он не мог вырваться целиком. Но сумел создать свою проекцию. Не плоть. Не настоящее тело. Тень. Отражение. Волю без формы. И эту волю он направил к прошлому повелителю.

Я медленно выдохнул.

— Чтобы натравить его на Матерь.

— Да. Проекция Клыка нашла его, напоила силой, отравила шёпотом, вывернула его жажду власти так, чтобы он сам пошёл против Богини Матери. После этого Матерь исчезла. Никто не знает, погибла ли она, уснула, рассеялась по миру или ушла туда, куда уже не дотянуться ни людям, ни эльфам. Но с тех пор её не было.

— А повелитель?

— Пошёл войной на людей. Именно после этого всё и покатилося по-настоящему. Гнёзда пали. Земли загорелись. Башня стала не домом, а язвой. И тогда Клык дал своему новому псу ещё одно задание.

Гнарл посмотрел мне прямо в глаза.

— Найти 261 и Розу. И уничтожить.

Несколько секунд я ничего не говорил.

Потом всё-таки спросил:

— Ещё до того, как я вообще появился в этом мире?

— Или до того, как вы сами узнали, что уже в него вписаны, — ответил Гнарл. — Тут, хозяин, либо время у Клыка течёт не так, как у нас, либо он видит не людей, а метки. Но факт остаётся фактом: ваши имена — или хотя бы ваши следы — звучали здесь задолго до того, как вы вошли в эту войну сознательно.

Я сжал зубы.

Гнарл продолжил:

— А потом поднялся отряд «Молния». Великий поход. Семеро, которые сначала были героями, а потом стали живыми носителями смертных грехов. Они пошли против повелителя. Мир заплатил за это слишком дорого, но прежний владыка пал. Его царство рухнуло. Башня лишилась Сердца. А Клык остался там, где и был: за четырьмя ключами и четырьмя печатями.

Он кивнул на стол.

— И если эта штука и правда одна из них, значит, вы уже не просто участник чьей-то бойни. Вы стоите у самой кромки той двери, которую лучше бы никому не открывать.

Я подошёл к столу и положил ладонь на ткань.

Под ней ключ был ледяным.

— Пока что, — сказал я, — я даже не знаю, от каких именно ворот он. Так что спасти мир или губить его я ещё не собираюсь. Для начала мне бы понять, что вообще держу в руках.

Гнарл коротко фыркнул.

— Разумный подход. Для человека, который уже дважды лазил в ад.

После этого разговора молчание стало тяжёлым, но не пустым.

Теперь я хотя бы понимал, что таскаю с собой не просто опасный камень, а кусок старой войны. И что на моей шее уже давно висит не один враг, а сразу несколько, просто раньше я не видел всей стаи разом.

— Что дальше по нашему плану? — спросил я.

Гнарл загнул когтистый палец.

— Во-первых, эльфийский лес. Наши зелёные слуги. Оберон.

Второй палец.

— Во-вторых, юг. Там и без вас уже шевелится слишком много дряни.

Третий.

— В-третьих, Одноглазый всё ещё жив.

Четвёртый.

— И, под конец, белый скелет, что вышел из бездны, пока вы были заняты ключом.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, война официально стала ещё хуже.

— Я бы сказал — честнее, — ответил Гнарл.

Я усмехнулся без радости.

— Тогда перед лесом мне нужно одно незаконченное дело.

— Арена?

— Арена.

Если идти к Оберону, то не на голых нервах. Не с долгами перед собственной башней. И не оставляя за спиной круг врагов, который я всё равно собирался дочистить. Иногда лучший способ не сойти с ума — выбрать одну ясную, понятную резню, пока остальные только готовятся тебя сожрать.

Я спустился вниз.

Камень арены ждал меня.

— Вы вернулись, хозяин Башни, — прогремел знакомый грубый голос. — У вас двенадцать очков. Желаете продолжить круг?

— Желаю, — сказал я. — Но начнём с простого. Живые тыквы.

Камень ушёл под землю.

По арене поднялись тыквенные твари — оранжевые, перекошенные, на корнях, с мокрыми ртами и зубами, которые выглядели так, будто их вырезали тупым ножом из чужой плоти. Когда-то они были бы бедой. Теперь — просто разогревом.

Я вытащил огненный меч Одноглазого.

Лезвие загудело в руке густо и довольно, словно узнало работу, для которой было создано.

Я пошёл на них в лоб.

Огонь брал их легко. Не просто резал — приказывал гореть. Первая тыква лопнула изнутри и рассыпалась жаркой кашей. Вторая завизжала и вспыхнула целиком. Третью я рас-сёк сверху вниз, и она распалась на две дымящиеся половины.

Через минуту на арене осталось только шипение тлеющей мякоти.

— Тринадцать очков, — сказал голос. — И первый значок круга.

— Чудище Одноглазого, — ответил я.

На этот раз из тьмы вышла дрянь, которую я уже помнил слишком хорошо.

Тяжёлая туша. Пасть. Ядовитая слюна. Рывки хищника, который уверен, что всё ещё сильнее меня. Оно плюнуло почти сразу. Я отбил ядовитую струю мечом, и яд, коснувшись алого огня, зашипел так зло, будто сам понял, что ошибся дверью.

Тварь плюнула снова.

И снова.

Я шёл вперёд, отбивая яд шаг за шагом. Огненный меч брал на себя каждую ядовитую вспышку, пока между мной и чудищем не осталось жалких два рывка.

Тогда я прыгнул.

И пробил его насквозь.

Тварь задёргалась, захлебнулась и рухнула на песок арены. Над телом поднялся бледный дух — смазанный, почти прозрачный, как память о человеке, которого прокляли слишком давно.

— Спасибо, — прошептал он. — Я могу ответить на один вопрос.

Я даже не думал.

— Откуда белый рыцарь знает обо мне? И о том, откуда я пришёл?

Дух дрогнул.

— Ответа я не дам. Не должен. Но подсказку дам.

Он будто бы приблизился, хотя лица у него уже почти не было.

— Не верь чужакам.

И исчез.

Я поморщился.

— Великолепно. Полмира хочет меня убить, а вторая половина раздаёт загадки.

— Четырнадцать очков, — равнодушно сообщила арена.

— Овцы ада.

Это было даже оскорбительно легко.

Они появились, уставились на меня стеклянными глазами — и взорвались сами, не дожидаясь удара, будто ужас передо мной оказался для них хуже смерти.

Я стоял среди дыма и клочьев шерсти и только хмыкнул.
— Пятнадцать очков, — произнёс голос. — Продолжать?
— Продолжать, — сказал я.

Но пока я бился на арене, мир тоже не стоял на месте.

*** *Существо и Одноглазый* ***

Далеко к югу Одноглазый нашёл Существа не сразу.

Сначала он увидел на обочине только труп крестьянина, распоротый так, будто его не убили, а открыли. Потом — фигуру над ним. Сгорбленную. Тихую. Ту, что медленно снимала с мёртвого кожу, как кто-то стягивает промокший плащ.

— Фу, что за мерзость, — выдохнул Одноглазый.

Фигура резко подняла голову.

На её лице было чужое человеческое лицо. Почти обычное. Почти убедительное. Но только до той секунды, пока не присмотришься. Кожа сидела слишком ровно, слишком гладко, как плохо подогнанная маска.

— Ты кто такой? — прошипело Существо.

Одноглазый прищурился. Сначала он не узнал его. Потом заметил, как оно двигается — слишком текуче, слишком мягко, слишком неправильно для человека.

И вспомнил.

— А, — медленно сказал он. — Так это ты.

Существо усмехнулось уголком чужого рта.

— Наконец-то.

— У меня для тебя работа, — сказал Одноглазый. — И на этот раз я дам больше денег.

— У меня уже есть работа, — отрезало Существо. — От белого рыцаря.

— Знаю. Но выслушай всё равно.

Существо шагнуло ближе.

— Говори быстро.

Одноглазый сплюнул кровь в сторону и ухмыльнулся.

— План простой. Ты должен просто убить 261.

На секунду стало очень тихо.

— Просто? — переспросило Существо.

— Просто, — подтвердил Одноглазый. — Без замков. Без камней. Без Розы. Без лишней возни. Убей героя — и получишь ещё золото.

Существо молчало.

— Он уже взял первый ключ, — продолжил Одноглазый. — Но на юг пойдёт не сразу. Сначала отправится в лес. К Оберону. У тебя есть время.

Существо медленно наклонило голову.

— Откуда ты так много знаешь?

— Я слишком долго пытался его убить сам, — ответил Одноглазый. — И слишком много лишился, чтобы теперь не платить за его голову тем, кто сильнее меня.

Существо улыбнулось уже почти без человеческого лица.

— Значит, только убить?

— Только убить.

— Тогда это действительно проще, чем всё остальное.

Оно отступило на шаг, уже натягивая на себя новое лицо.

— Хорошо. Если я встречу 261 первым, он умрёт.

Одноглазый смотрел ему вслед и ухмылялся одной, перекошенной половиной рта.

— Вот и отлично, герой, — прошептал он в пустую дорогу. — Теперь за тобой идёт не только моя злоба.

И исчез в сумерках.

— Дикий тролль, — сказал я арене.

Камень дрогнул.

В дальнем конце круга поднялся тролль — большой, тяжёлый, лесной, весь в рубцах и старой грязи. Он был похож на того, что уже однажды бросался на меня во время погони за Одноглазым. Только этот ещё не знал, что у меня в руках теперь не ржавое железо, а настоящий огонь.

— Ладно, — сказал я. — Давай посмотрим, что ждёт меня в лесу.

Троль рванул вперёд.

Я пошёл ему навстречу.

В последний миг подкатился под тушу, вскочил на спину, а оттуда — на шею, и всем весом вогнал меч в основание черепа. Троль захрипел, дёрнулся и рухнул так тяжело, что камень под сапогами дрогнул. Я добил его быстро.

— Шестнадцать очков, — объявил голос. — Следующий выбор?

— Единороги.

Вот тут арена решила напомнить мне, что красота и смерть иногда ходят слишком близко. Они вышли стаей.

Белые. Сильные. Слишком правильные для этого места. Их копыта били в пол, выбивая искры, рога были тонкими и длинными, как боевые копыя. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

А потом они сорвались с места.

Я поймал момент и вскочил на ближайшего. Несколько ударов сердца я действительно мчался по арене верхом, будто попал не в бойню, а в какую-то древнюю эльфийскую легенду. Потом сказка кончилась.

Я бросал огненные шары в тех, кто догонял нас. Один единорог взвился на дыбы и вспыхнул прямо в прыжке. Второй рухнул, подломив шею. Третий успел полоснуть меня боком рога по наплечнику.

Мой скакун резко дёрнулся и встал.

Я вылетел из седла.

Упал на камень.

И увидел, как он, последний, уже поднимает копыта, чтобы вдавить мне грудь в пол.

Я не отступил.

Резким движением всадил клинок ему в брюхо снизу вверх.

Единорог дёрнулся, шумно выдохнул и повалился рядом.

Я лежал ещё секунду, глядя в потолок арены, и только потом встал.

— Семнадцать очков, — прогремел голос. — И последний бой круга.

— Адские скелеты, — сказал я.

Из тьмы вышли костяки из бывшей бездны Мэлвина. Сырым строем. С оружием. С той же сухой злобой, которая всегда делает мертвецов смешнее, чем им кажется самим.

Один шагнул вперёд.

— Наш король сбежал от тебя, герой, — проскрежетал он. — И он придёт мстить.

— Пусть попробует, — ответил я. — Я уже один раз выжил после его мира. Второй раз ему будет только обиднее.

Скелеты бросились разом.

Бой оказался коротким.

После ложного рая, арены Мэлвина и живого короля эта стая была не опасностью — шумом. Я ломал их мечом, как сухие клетки старого забора. Одному отсёк голову. Второму рассёк грудную клетку. Третьего сжёг. Остальные посыпались следом, не успев даже собрать строй.

Через минуту всё кончилось.

— Восемнадцать очков, — сказала арена. — Круг завершён. Значки получены. Больше врагов в этом списке нет.

Я стоял среди костяной пыли и слушал, как стихает железное эхо.

Значит, одно дело закрыто.

Оставалось не сдохнуть в следующих.

*** *Сделка короля скелетов* ***

Тем временем в катакомбах Небесной Обители Палач уже успел занять то место, которое ему обещали.

Не трон — пока ещё только его предчувствие.

Под городом лежали старые кости, ржавые ворота, забытые склепы и старая плавильня, чьи меха давно молчали. Мёртвые узнавали в нём силу. А сила всегда собирает вокруг себя тех, кто не умеет жить иначе.

Когда к Палачу пришла женщина, он сперва не сдвинулся с места.

Она вошла в катакомбы так, будто сырость, мрак и запах разложения были для неё почти домашними.

Красивая. Слишком красивая для такого места.

— Ты правишь подземельем моего города, — сказала она.

Палач медленно повернул к ней белый череп.

— Назови себя.

— Я — королева суккубов, — ответила она. — И суженая Вильяма.

Вот теперь он встал.

— Значит, чума наверху — ваша.

— Наша, — спокойно сказала она. — Не твоя. Не старой бездны. Не случайной заразы. Вильям уже открыл гниль. Я доведу её до конца. Но мне нужно, чтобы снизу город встретила не только смерть, а ещё и страх.

Палач молчал.

— Мне нужен союз, — продолжила она. — Я топлю Небесную Обитель в чуме сверху. Ты поднимаешь кости снизу. Когда город ослабеет, он будет уже не городом, а мясом между нашими руками.

— Что получу я? — спросил Палач.

— Королевство под ногами, — ответила она. — Катакомбы. Плавильню. Мёртвых. И право первым встретить одного человека, если он когда-нибудь дойдёт до юга.

— Кого?

— 261.

Пустые глазницы Палача сузились настолько, насколько это вообще было возможно для черепа.

— И если я не смогу его убить?

Королева суккубов улыбнулась.

— Тогда я добыю. Но сначала он должен войти туда, где уже не будет света, только твои кости.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Палач протянул белую руку.

— Договорились.

Она коснулась его костяных пальцев.

Не как женщина.

Как чума касается двери.

— Через неделю город будет готов, — сказала она. — Начинай поднимать подземелье.

И ушла.

А Палач долго смотрел на ржавые ворота старой плавильни, а потом приказал своим мёртвым:

— Готовьте кости. Наверху скоро станет слишком тесно для живых.

Когда я вернулся наверх, Гнарл уже ждал меня.

— Ну? — спросил он. — Выпустили пар?

— Стало тише в голове, — ответил я. — Но мир от этого, к сожалению, не подобрел.

— Так куда дальше? — спросил Гнарл. — В лес или на юг?

Я уже собирался ответить, когда в другом конце мира заговорили совсем о другом.

*** *Белый рыцарь и Роза* ***

Замок Кутеж к этому моменту уже был захвачен.

Кан и Юлия не взяли его штурмом на виду у всех. Они сделали это куда умнее: тихо, жёстко, с той уверенностью, которая бывает только у людей, давно решивших, что всё вокруг — уже их собственность.

Перед ними на коленях стоял белый рыцарь — старик с бежевными усами, вытянутым лицом и белым плащом, который выглядел слишком чистым для места, где уже пахло поджогом.

— Господин, — сказал он, опустив голову. — Замок у нас. Но Розу мы так и не нашли. Кан стоял у окна и смотрел на внутренний двор.

— Она была здесь.

— Была, — подтвердил рыцарь. — И ушла раньше, чем кольцо успело замкнуться.

Юлия, сидевшая чуть выше, медленно подняла взгляд.

— Тогда искать дальше. Живой, если можно. Мёртвой, если придётся.

— Существо уже идёт по следу, — сказал Кан. — Оно найдёт её быстрее нас. А ты будешь ждать сигнала.

Белый рыцарь поднял голову.

— Где?

— На юге, — ответил Кан. — Там сейчас начнёт шевелиться слишком многое. Если Роза появится — добьёшь. Если появится 261 — ещё лучше.

Юлия чуть подалась вперёд.

— И не забудь про мою статую Богини Матери.

Кан коротко кивнул.

— Лесной храм мы тоже не бросили. Люди уже идут туда. Но сейчас нам нужно, чтобы вокруг Кутежа началась нужная паника.

Он перевёл взгляд на рыцаря.

— Поджигайте замок.

Тот едва заметно вздрогнул.

— Весь?

— Нет, — ответила Юлия вместо мужа. — Ровно настолько, чтобы все вокруг решили, будто здесь поработали демоны. Нам не нужен пожар. Нам нужен слух.

Кан усмехнулся.

— Пока люди будут креститься на дым и рассказывать друг другу про ад, мы спокойно закончим то, что начали.

Белый рыцарь поднялся.

— А если Роза выйдет не одна?

— Тогда убьёшь и того, кто будет рядом, — сказал Кан.

— Даже если это 261?

На этот раз Юлия посмотрела на него особенно внимательно.

— Ты действительно уверен, что он существует?

Белый рыцарь выдержал её взгляд.

— Я уверен, что мы встретимся.

Кан махнул рукой.

— Тогда ступай. И не возвращайся с пустыми руками.

Белый рыцарь поклонился и ушёл.

А за его спиной замок Кутеж уже начинал гореть по краям — так, чтобы издали это походило не на человеческий расчёт, а на работу демонов.

Обо всём этом я тогда не знал.

Я просто стоял перед Гнарлом, вытирая кровь с ладони о пояс, и думал, куда мне идти дальше.

— На юге слишком густо, — сказал он. — Там уже не одна угроза.

Он чуть помедлил.

— Но лес тоже не подарок.

— Тем лучше, — ответил я.

— Значит, Оберон?

— Значит, Оберон.

Я посмотрел в сторону воды телепорта.

С югом я ещё успею.

Ключ Бездны всё равно пока лежал мёртвым грузом и не собирался рассказывать, какие именно врата он отпирает. Одноглазый был ранен, но жив. Палач ушёл. И чем дольше я медлил, тем крепче лес успевал вырастать в самого себя. А такие места не любят, когда к ним приходят поздно.

— Собирай тех, кто может идти, — сказал я. — Мы идём за зелёными. И за Обероном.

Гнарл кивнул.

— Как скажете, хозяин.

Я шагнул в воду первым.

Холод обнял ноги, потом пояс, потом грудь. Башня качнулась, будто отпуская меня нехотя. Мир поплыл.

И пока я уходил в новый путь, я ещё не знал, что на юге уже копят чуму, в катакомбах собирают кости, в Кутеже горят стены, а за моей спиной снова сжимаются чужие пальцы.

Я просто шёл в эльфийский лес.

И именно с этого шага началась вторая часть.

Тридцать третья глава

«Долгожданная встреча и секрет леса»

Воздух был тёплым, живым, пахнущим землёй и дымом далёких печей, а не кровью, гарью и подземной сыростью. На миг мне даже показалось, что всё худшее осталось где-то позади, под камнем, под бездной, под треснувшими золотыми воротами ложного рая. Но такие мысли в моём положении всегда жили недолго.

У дороги уже толпились крестьяне.

Увидев меня, они низко кланялись, вытягивали руки, кричали что-то сразу все, и в их глазах горела та странная смесь счастья, благодарности и почти религиозного страха, которая давно начала меня утомлять сильнее любой брани.

— Победитель Мэлвина!

— Укротитель красных!

— Великий герой Кутежа!

— Самый бесстрашный рыцарь нашего времени!

Я шёл мимо них молча.

Мне нужно было не слушать это, а быстро пройти через деревню, выйти к западным воротам и уйти в лес, пока новая беда не успела вырасти ещё на одну голову. Но стоило мне ступить на деревенскую улицу, как ко мне подбежал молодой, опрятно одетый крестьянин — один из тех, кого я когда-то вытащил из лагеря «Смерть».

Он тяжело дышал, будто бежал от самых ворот.

— Господин... — начал он. — Мне нужно с вами поговорить. Сейчас.

Я остановился.

— Что случилось?

Он оглянулся по сторонам и протянул мне рваный клочок бумаги.

— На вас началась охота.

Я развернул лист.

На грубой бумаге был намалёван рыцарь, слишком похожий на меня, чтобы это можно было списать на случайность. Ниже — печать и текст, наспех размноженный и уже затёртый пальцами десятков людей:

«Всем жителям этого мира.

С вами говорит паладин Вильям.

За голову героя назначена награда — один миллион золотых монет.

Кто принесёт её, будет щедро вознаграждён».

Я медленно выдохнул.

— Великолепно, — сказал я. — Просто великолепно.

— Это ещё не всё, — твёрдо произнёс спасённый мной крестьянин.

— Конечно не всё. Что может быть хуже?

Он сглотнул.

— Говорят, за вами идёт не только охота за деньги. Ещё вас ищет один очень дорогой убийца. Не ради золота. Ради вещи, которая теперь у вас.

Я невольно коснулся рукояти огненного меча Одноглазого.

— Откуда у вас это?

— Люди слушают, — сказал он. — А слухи сами выбирают, к кому прибиться.

Я мрачно усмехнулся.

— Значит, теперь я не просто ходячая беда. Я ещё и награда с мечом в придачу.

— Господин... — начал он, но не успел договорить.

Потому что люди впереди внезапно расступились.

И я увидел другую толпу.

Не восторженную.

Не благодарную.

Эти шли ко мне с тем выражением лиц, которое я уже слишком хорошо знал: кто-то там внутри давно всё решил, и теперь ему не нужны ни разговоры, ни правда, ни благодарность, ни память о спасённых жизнях. Только выгода.

Между нами торопливо выбежал Кирилл.
— Всем спокойно! — крикнул он, раскинув руки. — В деревне запрещено—

Договорить ему не дали.

Один из мужчин ударил его в лицо так буднично, будто просто оттолкнул с дороги мешающий стул. Кирилл пошатнулся, но не упал.

— Нам нужна не тишина, — сказал тот, кто ударил. — Нам нужны деньги.

Вот теперь я присмотрелся как следует.

Слишком ровные сапоги для крестьянина. Слишком жёсткие кисти. Слишком лёгкий шаг. Не люди деревни. Не все, по крайней мере.

Часть толпы и правда была своей — жадной, перепуганной, дурной. Но среди них уже стояли другие. Те, кто надел крестьянские кафтаны поверх чужой профессии.

Киллеры.

— Вот оно как, — сказал я. — Значит, вы пришли не за золотом. Вы пришли за мной.

Один из них усмехнулся.

— Золото тоже сойдёт. Но да. Нам нужен ты. И меч Одноглазого.

Меня холодно кольнуло под рёбрами.

— Значит, существо нашло себе новых псов.

Он не ответил, но по лицу было видно — я попал.

А потом с другой стороны площади раздался гневный крик:

— За героя!

Это уже были настоящие крестьяне Кутежа.

Те, кого мы вытаскивали из лагеря. Те, кто ждал возвращения еды. Те, кто слишком хорошо помнил Мэлвина и полуросликов, чтобы теперь радостно продать меня за мешок золота.

И площадь разом сломалась надвое.

*** *Забывтый бог и прошлый повелитель* ***

Тем временем, далеко отсюда, в самом центре ада, где тьма была гуще лавы, а тишина звучала как пытка, Клык беседовал со своей старой марионеткой.

Прошлый повелитель сидел в полумраке, уже давно не похожий ни на человека, ни на владыку, ни на живую память о Башне. Он был тем, чем становятся слишком гордые после долгого разговора с бездной: волей, не сумевшей умереть вовремя.

— Я здесь уже давно, — проговорил он. — Но впервые вижу тебя таким серьёзным.

Клык стоял напротив него не телом.

Проекцией.

Тенью.

Чёрной волей, собранной в форму, которой нельзя было дать точное имя. В ней всё время что-то менялось: рога, зубы, пустые глаза, силуэт, похожий то ли на бога, то ли на зверя, то ли на саму мысль о страхе.

— Один из моих ключей украден, — сказал Клык. — И скоро он может оказаться слишком близко.

Повелитель поднял голову.

— И что ты хочешь на этот раз?

— Одолжение.

— Ты уже однажды говорил так, — усмехнулся повелитель. — Когда дал мне Камень Воскрешения. Когда велел убить Розу. Когда велел найти 261.

Он качнул головой.

— Ты помогал мне в разное время, Клык. Но всякий раз цена была одна и та же.

— И ты всякий раз не справлялся, — спокойно ответил Клык.

Прошлый повелитель скривился.

— Тогда говори прямо.

— Я верну тебя в твой мир.

В темноте что-то дрогнуло.

— Но?

— Но только при одном условии. Ты не вернёшься туда, пока не падёт отряд «Молния» целиком. До последнего. Пока жив хоть один из них, я не могу вытолкнуть тебя назад. Их грехи всё ещё держат слишком много старых швов.

Повелитель выругался сквозь зубы.

— То есть ты опять предлагаешь мне ждать, пока герой сделает за меня половину работы.

— Не половину, — сказал Клык. — Самую трудную часть.

— А потом?

Чёрная тень чуть подалась ближе.

— А потом ты вернёшься. И закончишь то, что не закончил ни в деревне, ни у Башни.

Найдёшь 261. Найдёшь Розу. И уничтожишь.

Повелитель долго молчал.

Потом тяжело выдохнул:

— Чёртов Голдо. Чёртов их поход. Чёртова «Молния».

Он поднял взгляд.

— Хорошо. Я подожду. Но когда вернусь, этот мир захлебнётся во тьме.

Клык не ответил.

Он просто исчез, как исчезает мысль, если она и так уже проросла в чужую голову.

И прошлому повелителю не осталось ничего, кроме ожидания.

На площади Кутежа тем временем всё уже начиналось.

Кирилл, шатаясь после удара, всё ещё пытался что-то кричать про порядок, деревню и запрет на драки, но его уже никто не слушал. Настоящие крестьяне теснили пришлых. Пришлые тянулись к ножам. Несколько человек в центре толпы одновременно дёрнули руками под полы кафтанов — и я увидел там не серпы и не кухонные ножи, а короткие клинки, тяжёлые металлические рукояти и стянутые ремнями наручи.

— Вот теперь всё честно, — сказал я.

— Для тебя — вряд ли, — усмехнулся один из киллеров.

Я не стал отвечать.

Просто рванулся вперёд.

Первого сбил плечом. Второму выбил нож рукоятью меча. Третий успел полоснуть мне по рукаву, но не по коже. В этот момент толпа с двух сторон сомкнулась окончательно, и бой превратился в грязную, тесную, человеческую мясорубку.

Настоящие крестьяне Кутежа дрались плохо.

Зато зло.

Слишком многие из них уже знали, что бывает, когда в деревню снова приходят чужие с оружием. Один схватил киллера за спину и повалил на землю. Другой ударил дубиной по локтю, ломая руку с ножом. Женщина с распущенными волосами вцепилась кому-то в лицо так, будто хотела содрать с него не кожу, а сам страх.

Я вырвался из первого кольца и пошёл шире.

Одного киллера рубанул по бедру. Второго — под дых. Третий выхватил из-за пояса какую-то небольшую стеклянную колбу, ударил ею о землю, и в ту же секунду площадь ослепила белая вспышка.

Люди закричали.

Я прикрыл лицо локтем.

Когда свет схлынул, один из киллеров уже бежал прочь.

Раненый в живот. Заливая дорогу кровью. К югу.

— Сбежал гад! — заорали позади.

Я смотрел ему вслед ещё секунду.

— Пусть бежит, — сказал я. — Далеко он с такой дырой не уйдёт.

На земле вокруг уже лежали мёртвые и полумёртвые. Настоящие крестьяне тяжело дышали, кто-то ругался, кто-то смеялся от нервов, кто-то просто стоял, не понимая, как быстро всё снова превратилось в бойню.

Кирилл поднялся, придерживая разбитую скулу, и крепко сжал мою руку.

— Слава богу, ты пришёл. Без тебя они бы нас порезали.

— Не мне спасибо говори, — ответил я. — Сами встали.

Он кивнул.

— Всё равно. Спасибо.

Я оглянулся на запад.

— Ладно. У меня теперь нет времени задерживаться. Лес.

— Удачи, — сказали мне сразу несколько голосов.

И на этот раз я не стал отмахиваться.

Потому что в лесу она мне действительно могла понадобиться.

*** Группа киллеров ***

Несколькими днями раньше, когда Существо исчезло после разговора с Одноглазым, оно, натянув на себя очередную человеческую кожу, отправилось в таверну «Смерть».

Там, за самым длинным столом, сидела группа наёмников. Пили. Ржали. Щупали новую добычу. Один любовался чужим клинком. Второй уже звал ещё выпивки. Третий смотрел на всех с тем выражением, которое бывает у людей, переживших слишком много глупых заказов и начавших чуть сильнее бояться дорогой добычи.

Существо село рядом без приглашения.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала оно.

— Нам не нужна твоя, — ответил один из киллеров, даже не повернув головы.

— А если речь о вещи Одноглазого?

Вот тут они посмотрели на него все.

— Что за вещь?

— Огненный меч, — спокойно ответило Существо. — Его унесли. Тот, кто унес, очень слабый. Забрать у него меч не составит труда.

— Тогда зачем ты пришёл к нам? — спросил главный.

Существо усмехнулось чужим человеческим ртом.

— Забирайте всё, что захотите. Меч, золото, броню, трофеи. Но голову принесёте мне.

— Чью?

— Героя.

За столом стало тише.

— Ты говоришь о том самом?

— О том самом.

— О 261? — переспросил другой.

— Именно.

Главарь долго смотрел на Существо.

— И в чём твоя выгода?

— Я его ненавижу, — ответило Существо. — Этого должно хватить.

Потом оно бросило на стол обрывок карты.

— Вот деревня, где он может появиться.

И ушло.

Киллеры ещё долго сидели молча.

Наконец один из них выругался:

— Страшно как-то. Герой, который выжил против Одноглазого, не выглядит как лёгкая добыча.

— Струсил? — оскалился другой.

Тот ударил его в лицо прежде, чем спор успел разгореться.

— Я не трус. Я просто не люблю умирать за чужую самоуверенность.

— Тогда голосуем, — сказал главарь. — Кто за то, чтобы взять эту работу?

Большинство рук поднялось сразу.

Только один остался сидеть.

— Я не иду, — сказал он. — Подожду вас здесь. С добычей. Или без неё.

Никто не спорил.

Остальные собрали оружие, взяли дорожные плащи и ушли в сторону Кутежа.

А потом смешались с деревенской толпой.

И стали ждать.

Западная дорога встретила меня почти мирно.

Почти.

У кромки леса уже стояли крестьяне. Смотрели на что-то впереди так, будто боялись подойти ещё на шаг и боялись отойти назад.

Я подошёл ближе — и увидел причину.

Корни.

Огромные.

Чёрные, обвитые тусклой эльфийской вязью, как жилы, проросшие сквозь землю. Они выламывали камни, трескали почву, поднимались из лесной кромки так, будто кто-то снизу медленно, упрямо и очень давно пытался вывернуть весь лес наружу.

— Неделию назад их тут не было, — сказал один из крестьян, даже не заметив, что я подошёл.

— Да мы и жгли их, и рубили, — пробормотал другой. — Всё без толку.

Они обернулись.

— Господин... это вы.

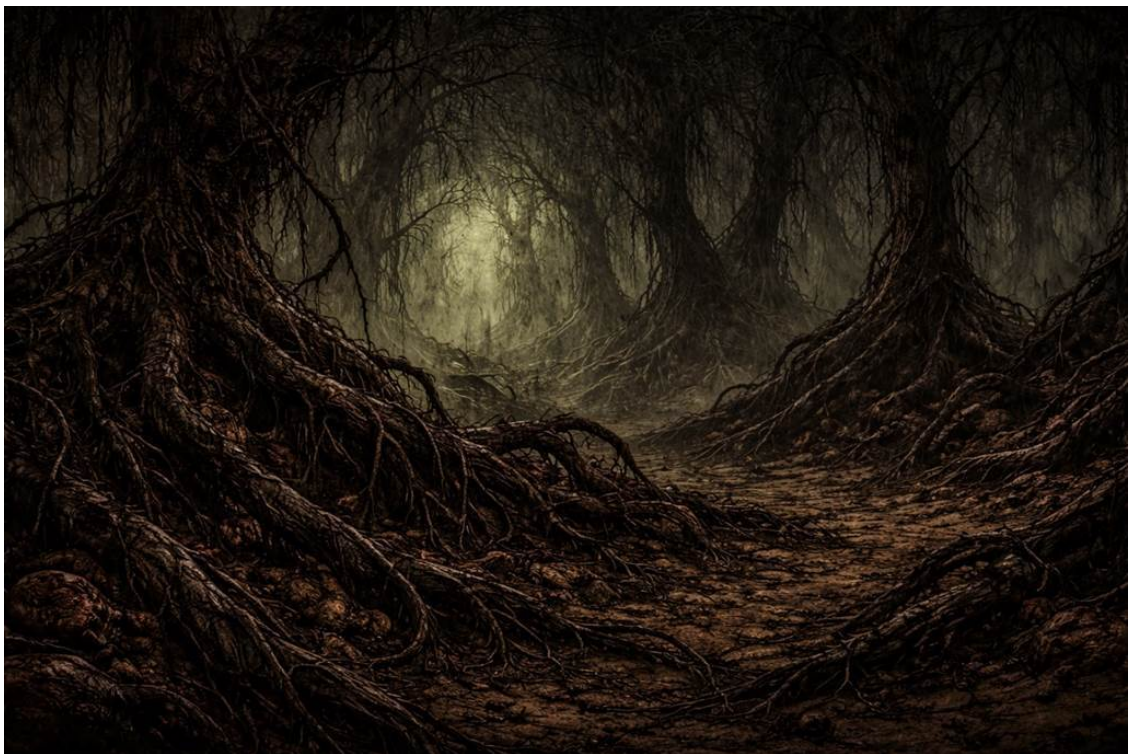
— Я, — сказал я. — Рассказывайте.

Крестьяне начали говорить наперебой.

Четыре дня спустя после того, как я ушёл в ложный рай Мэлвина, лес будто проснулся в дурном сне. Из земли полезли корни, чёрные и толстые. Небо над чащей потемнело. Эльфы перестали выходить к людям. Ночами из леса доносились крики — не звериные и не человеческие, а что-то между. Несколько мужиков попытались пройти внутрь и не вернулись.

— Мы думаем, там творится что-то ужасное, — сказал старший из них. — Если вы можете — разберитесь. Потому что если лес окончательно двинется наружу, он нас всех пережуёт.

Я посмотрел на чёрные корни, уходящие в чащу.

— Хорошо, — сказал я. — Разберусь.

— Удачи, — ответил кто-то.

И в этот раз это прозвучало не как любезность.

Как мольба.

*** Сны, которые стали явью ***

После того как бездна Мэлвина рухнула и первый ключ был вырван из старой печати, по эльфийскому лесу прошёл судорожный удар.

Не молния.

Не землетрясение.

Что-то глубже.

Как если бы огромный спящий корень вдруг дёрнулся во сне, а вместе с ним содрогнулась вся земля, которую он держал под собой.

Оберон начал просыпаться.

Его корни пошли в рост сразу во все стороны — молниеносно, жадно, больно. Эльфийская вязь на стволах вспыхивала и гасла. Купол над древним сердцем леса дрожал. Телепатический шёпот древних эльфов превратился в тревожный, беспорядочный хор.

— Армагеддон, — прошелестело в их общей мысли.

— Лес ломается.

— Кто-то сорвал старый шов.

— Оберон больше не спит.

В глубине чаши, в каменном дворце, где ещё держалась старая эльфийская власть, древний король сидел перед статуей Богини Матери и слушал донесение.

— Корень на храме лесных тварей истощают, — сказал ему эльф-посланник. — Пять узлов ещё держатся. Но шестой тянут наружу. Пока его не успокоить, Оберон не уснёт снова.

Король медленно поднялся.

— Тогда иди в храм. Убей тех, кто присосался к корню. И принеси мне тишину раньше, чем лес сойдёт с ума окончательно.

Эльф поклонился.

Он не успел дойти до двери.

Гигантский кабан с каменным топором ударил створки изнутри так, что они влетели в зал вместе с эльфом. Тот умер сразу, даже не успев вскрикнуть.

Следом вошли другие.

Крысы с луками.

Чудовища, обвешанные костями.

И впереди всех — олень с бородкой и кровавым глазом, в котором уже плавал не звериный страх, а чужая, тёмная магия.

— Это больше не твоя земля, — сказал он. — Это сокровище нашего вожака.

Эльфийский король не ответил.

Он уже понял.

Это была не просто стая.

Это был лес, который пошёл против своих хозяев.

Олень поднял отрубленную голову эльфийского стража, насадил её череп себе на рога, как трофей, и шагнул ближе.

— Скажи, как открыть сокровищницу. Нам нужна статуя.

— Как вы прошли мою стражу? — спросил король.

— Смерть, — ответил олень.

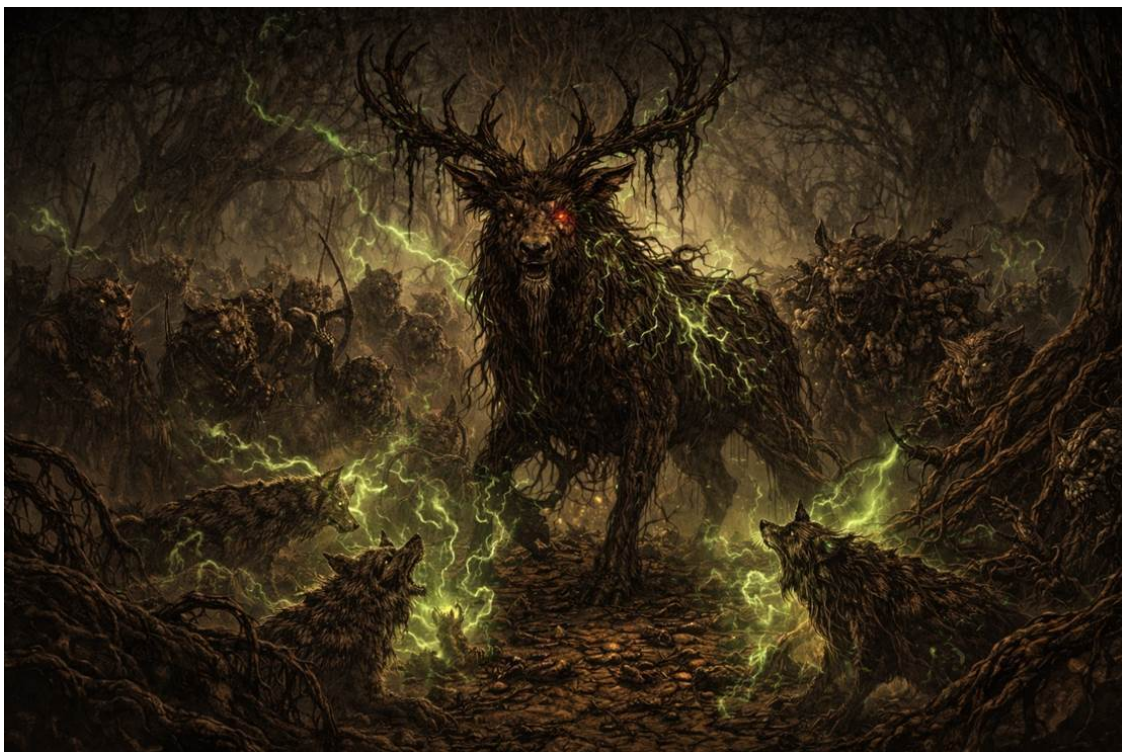
И крысы выпустили стрелы.

Эльфийский король умер на своём троне.

Несколькими часами раньше этот же олень уже собирал звериные кланы у корня.

Оберонова магия, сорвавшаяся после катаклизма, пролилась в него первой. Он научился залечивать чужие раны, поднимать павших, тянуть силу из земли и выворачивать своё тело в нечто, похожее уже не на животное, а на живую порчу леса.

— Мир станет нашим, — сказал он стае. — Магия Оберона принадлежит нам. Эльфы слишком долго называли лес своим. Пора напомнить им, кто в нём умеет жрать без стыда.

Звери пошли за ним.

Они не смогли открыть королевскую сокровищницу.

Но убили древнего короля.

И этого оказалось достаточно, чтобы весь лес начал ломаться уже не только от Оберона, но и от новых хозяев, которые решили, что апокалипсис — это лучший момент для захвата власти.

Я об этом тогда ничего не знал.

Я просто шёл в чащу, думая, что иду выяснить, почему лес стал чёрным.

Я двинулся по той же тропе, по которой когда-то уже шёл за Одноглазым.

Лес встречал меня иначе, чем в прошлый раз.

Тогда он был опасным.

Теперь — больным.

Ветви висели ниже. Воздух стал тяжелее. Тишина не была тишиной: в ней всё время будто что-то перестраивалось, шевелилось, меняло места под землёй.

Я вспоминал свой прошлый поход сюда.

Одноглазого и его зверушку.

Эльфов с их телепатией.

Единорогов, которые оказались красивее, чем милосерднее.

Троллей.

Храм.

Кровь.

Погоню.

Я вспоминал и Мэлвина, и Виктора, и Пашу, и Мишу, и все те лица, которые лежали теперь у меня в памяти тяжёлой, липкой грудой. В прошлой жизни я бы не поверил, что смогу столько раз смотреть в чужие глаза перед тем, как лишиться их света. Теперь у меня уже не было права притворяться самим перед собой.

Я убивал.

Много.

И никакой дороги назад отсюда уже не было.

— Но домой я всё равно вернусь, — сказал я вслух. — Хоть через весь этот ад.

Мои бурые шли за мной молча.

Ещё через несколько минут я увидел трупы эльфов.

Старые.

Почти высохшие.

Те самые, что когда-то оставил после себя Одноглазый.

Я остановился.

Меня мутило не от крови. К ней я уже, кажется, привык хуже, чем хотел бы признать. Меня мутило от того, как легко всё это когда-то стало частью моего пути. Будто лес, убийства, погоня, расчлнённые тела и вонь смерти давно превратились не в исключение, а в маршрут.

Я зажмурился на секунду.

А потом пошёл дальше.

*** *Смерть за брата* ***

В это же время, далеко от меня, в таверну «Смерть» ввалился тот самый киллер, которому удалось уйти из Кутежа.

Он держался за живот обеими руками, но кровь всё равно протекала между пальцев. Несколько шагов — и он рухнул на лавку рядом с человеком, который до этого пил в одиночестве.

Тот вскинул голову.

— Где остальные?

Киллер сплюнул кровь на пол.

— Мертвы. Все. Ты был прав. На эту работу не стоило идти.

Он хотел сказать что-то ещё, но закашлялся и согнулся пополам.

Человек рядом тут же понял.

Не лекарь.

Не бармен.

Не случайный собутыльник.
Брат.

— Спокойно, — сказал он. — Сейчас подниму спирт. Перетянем. Вытащу тебя.
Но раненый схватил его за руку.
— Не надо. Я уже не жилец.
Он с трудом вдохнул.
— Выслушай. Этот рыцарь... не просто везучий. Он будто всё время выходит живым там, где остальные уже похоронены. Он ушёл в лес. На запад. К Оберону.
Кровь выступила у него на губах.
— Прости, брат.
И умер.
Тот, к кому он пришёл, ещё несколько секунд сидел неподвижно, глядя на мёртвое лицо, будто ждал, что тот сейчас снова вдохнёт.
Потом осторожно уложил тело на лавку.
Поднялся.
Подошёл к бармену.
И приставил к его щеке железный пистолет.
— У тебя два часа, — сказал он тихо. — Я хочу знать о рыцаре всё. Где он был. Куда идёт. Кто с ним. С кем он враждует. Если через два часа у меня не будет этой информации, твоя таверна останется без крыши, а ты — без головы. Понял?
Бармен побледнел.
— Понял.
— Смотри мне.
Киллер убрал пистолет и сел назад, рядом с мёртвым братом.
Теперь у этой охоты было новое имя.

Не золото.

Не заказ.

Не меч.

Смерть за брата.

Лесная дорога раздваивалась.

Справа был храм — тот самый, где я уже однажды столкнулся с Одноглазым.

Слева — путь к Оберону.

Я остановился, глядя на обе тропы.

К храму я уже ходил.

Оберон всё ещё оставался впереди.

Значит — налево.

Тропа быстро стала уже. Корни местами вылезали прямо под ноги, как скрюченные пальцы старика, которому снится дурной сон. Чем дальше я шёл, тем меньше лес напоминал обычную чащу и тем больше — организм, который уже начал понимать, что в него вошёл чужак.

А потом из земли полезли крысы.

Сначала одна.

Потом ещё три.

Потом сразу десяток.

На их головах были костяные шлемы — не маски и не украшения, а настоящие черепа, грубо подогнанные под морды. У одних — гномьи, у других — человеческие, у третьих — эльфийские. Они держали короткие луки и уже натягивали тетивы.

— Чужак, — прокричала одна. — Лес теперь принадлежит нам. Прощайся с жизнью. Мои бурые замерли, дожидаясь приказа.

Крысы стояли слишком плотно. Одно неверное движение — и первые стрелы полетят раньше, чем я успею вздохнуть.

Я медленно поднял руку.

Крысы напряглись.

— Понял, — сказал я. — Тогда умрите первыми.

Я резко дёрнул пальцами.

Бурые подпрыгнули одновременно, сбивая крысам прицел.

И в ту же секунду мой огненный шар уже летел в ближайшего стрелка.

Первая крыса вспыхнула и заверещала так тонко, что остальные шарахнулись сами. Этого хватило. Бурые ворвались в строй. Я пошёл следом.

Бой был коротким.

Крыс я не шадил.

Слишком уж много было у них на головах чужих черепов, чтобы путать их с просто голодной лесной дрянью. Одну я сжёг. Вторую рассёк пополам. Третью вбил в корень так, что лук сломался вместе с хребтом.

Через пару минут всё кончилось.

На земле лежали мёртвые крысы и их костяные шлемы. Я поднял один.

Человеческий череп. Старый. С пропилом на темени.

Рядом — гномий.

Чуть дальше — эльфийский.

Я медленно выдохнул.

— Понятно, — сказал я. — Значит, лес уже не просто болен. Он уже кого-то доедает.

Бурым было противно даже смотреть на эти трофеи. Но никто не отвернулся.

Я бросил шлем обратно в траву.

И двинулся дальше.

К Оберону.

Туда, где лес уже переставал быть лесом и начинал становиться чем-то куда более древним, злым и голодным.

Тридцать четвёртая глава

«Встреча с зелёными»

Тропа вывела меня на мёртвую поляну, и лес вдруг расступился так резко, будто сам боялся подходить ближе.

Передо мной возвышался гигантский купол из тусклого зелёного света. Он дрожал, как живая паутина, натянутая между небом и землёй. Внутри, вплавленный в огромное дерево, стоял Оберон. Издалека он казался частью ствола, но чем дальше я смотрел, тем яснее видел очертания короля: лицо, застывшее в древесной коре, руки, ушедшие в живые волокна, и корни, расходившиеся от него во все стороны леса, будто жилы гигантского сердца.

Рядом с куполом стоял эльф.

Он был похож на труп, которому приказали не умирать. Щёки ввалились, кожа потемнела, длинные волосы висели спутанными нитями, а глаза светились слабым серебром. Когда я подошёл, он не разомкнул губ, но голос всё равно прозвучал у меня в голове:

— Приветствую тебя, путник.

Я невольно сжал рукоять меча.

— Приветствую, эльф. Объясни мне, что здесь творится. Почему на меня нападают звери в костяных масках? Почему Оберон заточён в этом куполе? И что это за корни, которые расползлись по всему лесу?

Эльф посмотрел на меня так, словно я сказал то, что давно боялись произнести вслух.

— Ты видел лесных тварей... и остался жив?

— Видел. И не раз.

В его взгляде мелькнул не страх даже, а странная, усталая надежда.

— Тогда слушай внимательно. В нашем лесу давно уже не осталось места для полуправды.

Он медленно повернулся к куполу, и голос его стал тяжелее.

— Перед тобой Оберон, величайший король эльфов. Когда-то он ходил по этим землям свободно, и само солнце задерживалось в кронах, чтобы коснуться его трона. Но потом был Великий поход. Было золото. Было предательство. И был Голдо — тот, кто прежде называл себя другом.

Я промолчал. Имя Голдо я уже слышал слишком много раз, чтобы относиться к нему спокойно.

— После похода, — продолжил эльф, — Голдо проклял Оберона и приковал его магией к древнему дереву. Тогда это было не заточение, а насмешка: король был жив, но не мог ни уйти, ни умереть. Лишь разум его оставался свободен, и потому он ещё долго говорил с нами телепатией, утешал, приказывал, клялся, что найдёт выход.

Эльф провёл пальцами по одному из корней, и тот едва заметно дёрнулся.

— А потом пришли гномы из Золотых холмов. Они искали старые дороги, руины, эльфийские реликвии. Наш лес уже был ослаблен, и тогда Оберон сделал единственное, что мог: врос в дерево окончательно, потянул силу глубже и закрыл проход из-под холмов в наш мир. Так появился этот купол. Так появился барьер. Так началась его вечная стража.

Он замолчал на миг, а затем добавил:

— Но даже вечная стража гниёт, если мир вокруг ломается. С востока пришёл удар. После падения Мэлвина пошла трещина по старому равновесию, и лес содрогнулся вместе с нами. Корни Оберона пошли в рост. Купол стал нестабильным. Его сны просочились наружу. А в его снах было слишком много гнева, слишком много боли и слишком мало милости.

Я посмотрел на лес за своей спиной и теперь уже иначе понял всё, что видел по пути.

— Лесные твари?

— Да. Часть из них родилась из его кошмаров. Часть была обычными зверями, но напилась его силы. Теперь они воруют магию с корней, строят свои гнёзда, убивают эльфов и людей и думают, что этот лес уже принадлежит им. Самые страшные из них носят кости как знаки власти. Их ведёт бородатый олень — не царь, но достаточно умный, чтобы стать бедствием.

— А корни? — спросил я. — Их шесть?

— Шесть больших узлов питают купол, — ответил эльф. — Пока они целы, Оберон спит и держит лес запертым. Разрушишь все шесть — король проснётся. Но никто уже не знает, кем он будет в день пробуждения: спасителем или новой бедой.

Он поднял взгляд на меня.

— В лесу ещё сохранились два древних храма. Один принадлежал старому эльфийскому государству. Во втором хранили дары Богини-Матери и статуи, которые лесные твари пытаются отыскать. Они ищут не просто золото — они ищут то, чем можно закрепить власть над этой землёй.

— А зелёные? — спросил я. — Мне сказали, они где-то здесь.

Эльф будто вздрогнул.

— Зелёные появились после того, как Оберон окончательно прирос к дереву. Мы пытались их ловить, потом прогонять, потом не замечать. Но лес менялся быстрее, чем мы успевали к этому привыкнуть. Они одичали. Разбегались. И где-то в глубине нашли прибежище. Или потеряли его.

Я кивнул.

— Мне как раз нужны зелёные.

— Тогда ты идёшь в самое гнилое место этого леса, — без всякой радости ответил эльф.
— Иди, если жизнь тебе мешает.

Я обошёл купол слева. От него в чашу уходил один из шести корней — толстый, живой, покрытый тёмной пульсацией. Слуги двинулись за мной молча. Корень привёл нас к странному месту: в круг были вбиты старые деревянные колья, а внутри мерцал второй, куда меньший купол — не такой могучий, как главный, но полный злой, густой энергии.

— Похоже на подпитку, — пробормотал я.

Мои слуги переглянулись. Один из них ударил по колу. Дерево треснуло. Второй колья выдернул из земли с корнем. Малый купол задрожал.

Я сделал шаг ближе.

— Если эта штука кормит главный барьер... возможно, через неё я смогу заставить Оберона заговорить.

Я не собирался будить древнего короля. Не собирался рушить весь лес. Но тогда мне показалось, что лёгкий удар по одному узлу даст мне только ответ.

Я ошибался.

— Ломайте, — приказал я.

Слуги обрушили на мерцающий узел мечи, когти и магию. Свет брызнул в стороны тонкими зелёными жилами. Корень вздулся, будто его ударили изнутри, и по всей земле прошла дрожь. Где-то далеко скрипнуло дерево — так протяжно и страшно, словно кто-то огромный впервые за много лет попытался сдвинуться с места.

Малый купол лопнул.

Я сразу повернул назад, к эльфу.

Тот уже ждал меня — и в его мёртвом лице впервые отразился настоящий ужас.

— Что ты наделал? — голос прозвучал у меня в голове так резко, будто меня ударили.
— Ты сломал один из внешних питающих узлов!

— Я разрушил только малый барьер, — ответил я. — Я хотел поговорить с Обероном.

— А помог лесным тварям! — вспыхнул эльф. — Они давно ищут способ ослабить корни. Пока узлы держатся, лес всё ещё заперт. Но если их станет меньше... если хотя бы половина падёт... твари рванут дальше. Не только по лесу. Во внешний мир.

Он схватился за голову, словно слушал что-то далёкое.

— Мне передают... они уже двинулись. Они знают. Они...

Фраза оборвалась.

Стрела вошла ему в грудь.

Эльф покачнулся. Свет в его глазах дрогнул. Он не упал сразу — только посмотрел на меня с каким-то бесконечно усталым упрёком, а затем медленно сполз по стволу дерева.

Я дёрнулся к нему, но поздно. Из тени между корнями уже выходили другие.

Крысы — десятками. В костяных масках, сделанных из черепов мелких зверей. Между ними вышел он — высокий, сухой, с ветвистыми рогами, половину лица скрывал древний эльфийский череп, а из-под него выглядывала живая гниль и окровавленная, гнилая улыбка. На подбородке у него действительно торчала мерзкая, редкая борода.

Олень остановился в нескольких шагах и склонил голову.

— Чужак. Ты стоишь на земле нашего господина. Так скажи: ты сам отдашь жизнь ради его воли, или нам снять её с тебя силой?

Я сплюнул под ноги.

— Пошёл ты.

Олень усмехнулся.

— А храбрость у тебя есть. Жаль, ума меньше. Видишь этот череп? — он постучал когтем по костяной маске. — Череп древнего короля эльфов. Их кровь давно кончилась, а моя власть — нет.

— Сейчас проверим.

Я выбросил руку вперёд, и огненный шар ударил ему прямо в лицо. Пламя взревело. Олень отшатнулся, а крысы тут же вскинули луки.

Стрелы хлестнули воздух.

Я рванулся в сторону, слуги закрыли меня собой, и на поляну сразу легли первые трупы. Крысы пищали, падали, металась между корнями, а я шёл на них сквозь дым с мечом Одноглазого в руке. Жар от клинка резал ладонь, словно меч сам радовался бойне.

Олень опустил на одно колено. Я уже решил, что добил его первым ударом, но он с хриплым смехом вскинул длинный посох и ударил им в землю.

Мёртвые крысы зашевелились.

Одни поднимались на переломанных лапах, другие тащили за собой кишки, третьи уже без глаз снова тянули ко мне когти. Я выругался и рванулся прямо к оленю. Тот не успел отпрянуть.

Меч Одноглазого рассёк посох пополам.

Чёрная искра вырвалась из треснувшего дерева, посох взорвался у него в руках, и олень рухнул в грязь. Я занёс меч для удара, но в этот миг он выдернул из-под мёртвого тела крысы какое-то мясистое растение и швырнул мне под ноги.

Стебель лопнул.

В лицо ударил ядовитый газ.

Я успел сорвать с себя плащ и закрыть рот, но мир всё равно поплыл. Глаза обожгло так, будто мне в них плеснули расплавленным металлом. Сквозь слёзы и туман я видел, как олень, кашляя и хрипя, уходит в чащу. Хотел броситься следом — и не смог. Колени подломились.

К тому моменту, когда газ начал рассеиваться, его уже и след простыл.

Олень бежал, задыхаясь от ожогов и дыма, пока не добрался до старого храма лесных тварей.

Когда-то это было святилище эльфов. Теперь колонны были увешаны костями, алтари залиты чёрной кровью, а вместо песнопений из глубины шёл гул, похожий на скрежет зубов. На костяном троне в полумраке сидел хозяин здешних мест — высокий, иссохший, в рваном плаще из шкур и с руками, похожими на переплетение корней и костей.

Олень рухнул на колени.

— Повелитель... у нас беда. В лес вошёл странный путник. У него огонь и меч, похожий на меч Одноглазого. Он убил дозорных. Ослабил один из корней. И нашёл путь к зелёным.

Тронная фигура медленно подняла голову.

— Значит, восток правда пал, — прошипел хозяин. — Значит, Мэлвин сломан, а лес уже трещит. Хорошо. Тогда отправляй чудовищ к границе. Пусть рвутся в людские земли. Пора.

Олень вскочил и бросился выполнять приказ.

Через некоторое время он уже стоял на восточной кромке леса вместе с толпой зверей, крыс и волков в костях. Но стоило им рвануть вперёд, как воздух на границе вспыхнул багровой стеной. Пламя без огня, свет без света — старая магия полоснула их по мордам и отшвырнула назад.

Олень в ужасе отступил.

Барьер не пустил их.

Он вернулся в храм ещё более бледный, чем прежде.

— Мы не можем выйти, повелитель. Граница держится. Меч Одноглазого всё ещё запирает лес.

Хозяин поднялся с трона.

— Тогда всё просто. Нужно уничтожить меч.

Он подошёл ближе и корявой рукой схватил оленя за шею.

— Но ты сказал, что путник нашёл путь к зелёным.

— Я... я ещё могу всё исправить, — прохрипел олень. — Он слабее, чем кажется. Яд уже должен его сжечь изнутри. А если нет — мы впустим его туда, куда он сам захочет войти. В пещеру. К зелёным. Там его встретят жуки. Там его встретит безумный тролль. А если и этого мало — я заманю его в наш храм. К золотой статуэтке Оберона. Он пойдёт за добычей, как и все.

Хозяин сжал пальцы сильнее.

— Смотри мне. Если он выживет. Если он разрушит ещё корни. Если он дойдёт до меня — я сначала оживлю тебя, а потом оторву голову снова. И так много раз.

Кость хрустнула.

Олень умер прямо у его ног.

Хозяин равнодушно наклонился, провёл ладонью над мёртвым телом, и в оленя снова втекла чужая магия. Тот судорожно вдохнул, закашлялся и, дрожа от ужаса, попятился назад.

— Иди, — сказал хозяин.

И олень убежал.

Когда я пришёл в себя после газа, прошло, наверное, несколько часов.

Глаза жгло, словно я всю ночь плакал кровью. Я едва поднялся на ноги, опираясь на меч, и долго стоял, пока лес переставал кружиться. Слуги молча ждали рядом. Часть из них погибла во время атаки, остальные были покрыты стрелами, копотью и ядовитой слизью.

Тропа передо мной раздваивалась. Слева, за редкими деревьями, тянулась тихая, почти нетронутая роща — слишком спокойная для этого леса. Справа чаща темнела ещё сильнее, и туда уходила узкая тропа, втопанная в землю мелкими босыми ногами.

Я выбрал правую.

Через несколько десятков шагов я увидел его.

Зелёный прихвостень сидел на корне и жадно жрал ядовитый цветок так, будто это было лучшее мясо в мире. Он был маленьким, костлявым, в драных лохмотьях, с длинными ушами, зелёной кожей и глазами, полными какой-то дикой преданности.

Я сделал шаг. Под ногой хрустнула ветка.

Зелёный резко обернулся — и вдруг упал передо мной на колени.

— Хозяин вернулся! Хозяин жив! — заголосил он так громко, что я едва не велел слугам прикончить его сразу. — Он приведёт нас домой! Он вернёт нам улей! Он спасёт зелёный род!

— Поднимись, — сказал я. — Где ваш дом?

Он вскочил так быстро, словно и не стоял на коленях секунду назад.

— Его украли. Его осквернили. Его заселили враги. Но мы ждали. Мы знали: придёт новый хозяин. Сильный. С огнём. Пойдёмте. Я проведу.

Я кивнул, и мы двинулись по тропе. По дороге я заставил его рассказывать.

Так я и услышал историю зелёных.

После гибели прошлого повелителя в башне зелёные и синие бежали со своими домами — ульями. Синие ушли к югу, в сторону чумного города Небесной Обители, и исчезли там, растворившись в чужой беде. Зелёные пошли в лес. Они нашли пещеру, спрятали в ней улей и решили, что переждут бурю.

Но лес уже менялся.

Оберон, вросший в своё дерево, начал видеть дурные сны, и эти сны отравили землю. В пещеру зелёных пришли ядовитые жуки. За ними — их королева. А глубже в камне поселился старый, безумный тролль, помнивший только золото и мясо. Зелёных выдавили наружу. Те, кто пытался отбить улей, погибли. Остальные рассыпались по лесу и одичали.

— Мы бы умерли все, — бормотал мой проводник, шагая впереди. — Но хозяин вернулся. Теперь всё будет иначе. Да? Иначе ведь?

— Сначала покажи дорогу, — ответил я.

Зелёный закивал так часто, что, казалось, сейчас оторвёт себе голову.

Через некоторое время он резко свернул и рванул через второй корень Оберона. Корень был окружён кругом ядовитых цветов, тяжёлых и мясистых. Я остановился.

— Не туда.

— Быстрее! — пискнул зелёный. — Так короче!

— Для того, кто ест яд, может быть.

Я повёл отряд в обход.

Тропа петляла, сужалась, проваливалась в туман и снова выходила на относительно чистую землю. Именно там я услышал голоса и поднял кулак, приказывая слугам замереть.

Впереди, на поляне, стояли четыре оленя.

Они ходили кругами вокруг ядовитого растения, выставив посохи вперёд, и тихо читали заклинание. Воздух над цветком сгущался, чернел, собирался в шар. Один из оленей протянул руку, направил этот ядовитый клубок в другого — и тот даже не успел вскрикнуть. Газ ударил ему в грудь, олень захрипел, почернел и рухнул.

Третий только фыркнул.

— Слабак. Такие нашему повелителю не нужны.

— Напомни ещё раз, зачем мы это делаем? — спросил четвёртый, заметно нервничая.

— Ради одного и того же, — ответил первый. — Уничтожим меч Одноглазого — и барьер падёт. Падёт барьер — лес выйдет в мир. А пока ждём путника. Хозяин сказал, что он пойдёт к зелёным.

— И что тогда?

— Тогда пусть идёт. Мы не обязаны убивать его сами. Пещера сожрёт его лучше нас.

Я прищурился.

Вот, значит, как.

Пару часов назад к этой же пещере уже добежал тот самый олень, что выжил после нашей схватки.

Около входа его ждали ещё трое. Они копались у ядовитых мешков, сплетали из трав и дыма плотные зелёные шары и загоняли их в ржавые кувшины.

— Слушайте внимательно, — прохрипел олень. — Путник идёт сюда. За зелёными. Хозяин велел быть готовыми.

— Мы и так готовы, — ответил один из дозорных. — Королева жуков не любит гостей. Троль на цепях. Всё тихо.

Олень ухмыльнулся.

— Тогда будет ещё лучше. Как увидите героя — не режьте его на входе. Дайте ему пройти. Пусть поверит, что вы отступили. Потом откройте тайный ход. Выпустите королеву. Освободите тролля. Пещера сама закроет ему глотку.

— А если он вырвется?

— Тогда у нас останется храм. И статуэтка. И последнее место, где его можно взять живым.

Дозорные кивнули.

К тому моменту, когда я подполз ближе и начал слышать обрывки их разговора, план уже был готов.

Я выждал ещё несколько секунд, а потом вышел из тени сам.

— Чужак, — сказал один из оленей и даже не удивился. — Тот самый.

— Меня не обманешь, — ответил я. — Я слышал достаточно.

— Тогда зачем кровь? — мягко спросил другой. — Отпусти нас к пещере. Мы сами выведем зелёных. Мы знаем все ходы.

— Именно поэтому вы туда и не пойдёте.

Я сделал ещё шаг вперёд.

— Вы слишком разговорчивы для тварей, которые собирались меня скормить троллю.

Олени переглянулись.

— Значит, так, — усмехнулся первый. — Тогда план «Б».

Они швырнули шары почти одновременно.

Я успел уйти в сторону, но не все мои слуги были так быстры. Ядовитые облака лопнули над тропой. Двое бурых захрипели и упали. Один олень тут же сорвался с места и рванул к пещере.

Я хотел кинуться за ним, но остальные трое уже шли на меня, прикрывая беглеца.

— Надо было склонить голову перед нашим вождём! — прошипел один.

— В атаку! — рявкнул я. — За зелёных!

Бой вышел коротким и злым.

Мои слуги не бросились в лоб. Они уже понимали этот лес. Один сорвал ядовитый цветок и швырнул его прямо под копыта оленю. Второй вонзил нож в его колено. Третий опрокинул другого зверя ударом щита, а я добил его клинком в горло. Последний пытался отступить, но получил в морду целый пучок отравленных стеблей, ослеп и завизжал так мерзко, что я без всякой жалости разрубил ему грудь.

Когда всё кончилось, на тропе остались только тела.

Беглец, конечно, уже был далеко.

Я вытер клинок и пошёл к пещере.

За два дня до этого в Кутёже появился человек со старым портфелем и в запылённой дорожной одежде.

Крестьяне на южных воротах встретили его недружелюбно.

— Кто ты такой?

Незнакомец вежливо склонил голову.

— Всего лишь путешественник. Несу новости с юга. Возможно, полезные.

Один из крестьян крикнул за старостой, и вскоре к воротам вышел Кирилл.

Он был насторожен с первого взгляда.

— Что тебе нужно?

— Обмен, — спокойно ответил чужак. — Я даю тебе новости. Ты даёшь мне другие.

— Какие?

Человек улыбнулся слишком ровно.

— Расскажи мне про героя, который уничтожил Мэлвина Толстопуза.

Кирилл сразу нахмурился.

— Не интересуется. Он наш союзник. Уходи.

Чужак будто и не обиделся.

— Тогда хотя бы посмотри фокус.

Кирилл устало махнул рукой.

— Показывай.

Незнакомец расстегнул портфель, достал тонкую стеклянную банку с перламутровой жидкостью и выпил всё до дна.

Сначала ничего не произошло.

Потом его лицо поплыло.

Кожа заскользила, черты потянулись, кости под ней закричали, будто их переставляли чужими пальцами. Через несколько секунд перед Кириллом стоял уже не путник, а он сам — с его лицом, его ростом и его голосом.

Бармен — а это был именно он — улыбнулся новой чужой улыбкой.

А затем, как ни в чём не бывало, выхватил нож и перерезал горло ближайшему крестьянину.

Второго ударил в глаз.

Третьему вспорол живот.

Кирилл остался стоять, забрызганный кровью, не в силах даже крикнуть. Человек с его лицом спокойно подошёл ближе.

— Теперь представь, что я пройду по деревне ещё немного, — мягко сказал он. — А потом все решат, что это сделал ты. Так что выбирай быстро: говоришь — и я уйду. Молчишь — и тебя возненавидят свои же ещё до того, как умрут.

Кирилл сжал зубы до скрипа.

— Хорошо... Я скажу.

И он рассказал всё, что знал обо мне. Про Мэлвина. Про башню. Про лес. Про то, куда я мог направиться дальше.

Бармен выслушал, кивнул и спустя пару часов вернулся к своему настоящему облику. Перед уходом он даже поклонился Кириллу с издевательской вежливостью.

Когда он добрался обратно до трактира, его уже ждали.

За дальним столом, в тени, сидел киллер — не тот, что когда-то приходил за мной ради денег, а его брат. Он не улыбался. Он не спрашивал про награду. Ему нужна была только одна вещь: мой след.

И бармен этот след ему принёс.

Тем временем я уже был почти у пещеры.

Вдалеке мелькнули зелёные. Они один за другим шмыгнули внутрь, будто звали меня за собой. Я почувствовал знакомое, почти жадное напряжение. Ещё немного — и я верну им улей. Ещё немного — и под моей рукой появится новый рой.

Но в самой пещере к этому времени всё уже шло по плану лесных тварей.

Олень, убежавший от меня, ворвался к скрытому проходу, выкрикнул заклинание, и в каменной стене с грохотом разошлась трещина. Изнутри сразу полезли ядовитые зелёные жуки. За ними, медленно и важно, выползла королева — толстая, блестящая, с длинными шипами на панцире и мутными глазами, полными животной злобы.

Олень даже не посмотрел на неё. Он уже мчался глубже.

В конце узкого коридора на цепях сидели два тролля.

Один давно был мёртв — обглодан почти до костей. Второй ещё дышал. Его плечи и руки были покрыты укусами, мясо местами сгнило, но в маленьких мутных глазках всё ещё теплилась ярость.

— Я вернулся, — сказал олень, усмехаясь. — Вижу, ты всё ещё жив. А вот брат твой стал закуской. Но не переживай. Ты за ним скоро отправишься.

Он подошёл сзади и с наслаждением вогнал копьё троллю в спину.

— Вот и всё. Сейчас сдохнешь.

Он нажал сильнее.

Ещё сильнее.

Троль сперва только застонал. Затем задрожал всем телом. Потом медленно поднял голову.

— Золото... — прохрипел он. — Где моё золото?..

Олень хмыкнул и надавил глубже.

Это и стало его последней ошибкой.

С диким рёвом троль рванулся так, что железные кольца вылетели из стены вместе с куском камня. Цепь хлестнула воздух. Олень едва успел открыть рот, как огромная лапа схватила его, подняла и с размаху вбила в землю по самую голову.

Камень треснул.

Троль качнулся вперёд, тяжело задышал и, шатаясь, пошёл по коридору, волоча за собой цепи.

— Золото... — бормотал он. — Я найду своё золото... найду...

Королева жуков уже шевелилась в соседнем зале.

Зелёные прятались в темноте.

Ловушка сработала — только не совсем так, как задумывали олени.

А я, ничего этого ещё не зная, с холодной улыбкой шагнул в чёрный рот пещеры вслед за зелёными.

И только когда лесной свет остался за спиной, мне вдруг показалось, что впереди, в глубине, кто-то очень тяжело дышит.

Тридцать пятая глава

«Пещера Зелёных»

Когда я вошёл в пещеру, меня сразу ударило в лицо таким смрадом, будто здесь годами складывали мертвецов, а потом забыли про них. Пахло гнилью, старой кровью, сырой землёй и чем-то кислым, жгучим, как сам яд. Даже мои слуги на миг замедлили шаг, а зелёные, что ждали меня у входа, только радостно зашевелились, будто не чувствовали ничего особенного.

Я поморщился и сказал:

— Если когда-нибудь найду синих, первым делом заставлю их вас отмыть.

Мои слуги хрипло рассмеялись. Зелёные тоже закивали, хотя, кажется, не поняли шутки до конца и приняли это за важное обещание.

Один из них, самый сухой и длинноухий, шагнул ко мне почти вплотную.

— Хозяин... Хозяин пришёл. Хорошо. Очень хорошо. Спасите улей. Спасите дом. Матка вышла из тайной части пещеры. Мы покажем путь. Мы всё расскажем.

— Тогда рассказывайте быстро, — ответил я. — И ведите.

Пока мы шли по первому широкому проходу, зелёные заговорили все разом, перебивая друг друга, будто боялись, что не успеют высказать самое важное.

Когда лес начал умирать и лесные твари полезли на всё живое, один из оленей — тот, что умел работать с ядом, — выбрал эту пещеру для своих опытов. В толще камня он открыл скрытый проход, отрезал себе часть глубины и стал таскать сюда насекомых, яд корней Оберона и живую плоть. Он смешивал кровь жуков с лесным ядом, морил их, калечил, скрещивал, пока не добился того, чего хотел: один выводок выжил и не распался от отравы.

Но одной удачи ему было мало.

Тогда олень притащил сюда двух диких троллей. Одного убил почти сразу. Второго посадил на цепи. У первого забрал золото и спрятал его в глубине пещеры. В мёртвое тело бросил новый выводок жуков, и там, в гниющем мясе, они расплодились. Из этого гнезда и выросла

матка — тварь, которая уже не могла насытиться ни падалью, ни мелкой добычей. Она жрала мёртвого тролля, потом принялась грызть живого, но так и не смогла его добить.

— Слишком злой, — пробормотал один зелёный и нервно облизнул губы. — Очень злой. Всё время жил. Всё время рычал. Всё время хотел своё золото.

— А пару часов назад, — подхватил другой, — олень вернулся. Открыл тайный камень. Выпустил матку и весь её выводок. Она пошла к нашему улью. А сам олень ушёл туда, где были тролли.

Я кивнул. Всё сходилось слишком хорошо. Ловушка была не случайной. Меня и правда вели именно сюда.

— Значит, сначала он хотел скормить вас жукам, а меня — тому, что осталось от тролля. Зелёные дружно закивали.

— Да, хозяин. Именно так. Поэтому вы должны убить их раньше.

— Посмотрим, кто кого, — тихо сказал я.

Чем дальше мы шли, тем хуже становилась пещера.

Стены обрастали мясистыми наростами, трещины сочились тёмной слизью, а из земли торчали ядовитые цветы — тяжёлые, распухшие, будто напитанные кровью. Некоторые шевелились, когда рядом проходили мои слуги, и выпускали в воздух тонкие струйки зеленоватого пара. Я старался держаться подальше, но зелёные вели себя так, словно шли по обычной дороге.

В одном месте дорогу нам и вовсе перегородил огромный цветок, раскрывшийся прямо из сырой земли. Его внутренность дымилась.

Я уже хотел обойти его по стене, когда один из зелёных подскочил, схватил растение обеими руками и с резким влажным хрустом выдернул его вместе с корнем.

Я уставился на него.

Он уставился на меня.

— Что? — пискнул зелёный.

— Ничего, — ответил я. — Просто напоминай мне почаще, что здешняя дрянь любит вас меньше, чем меня.

Мы пошли дальше.

Пару раз тропа так сужалась, что приходилось идти боком. Потом пещера вдруг раскрылась просторнее, и в темноте мелькали чужие блестящие спины. Тогда зелёные делали нечто странное: останавливались, втягивали головы в плечи, замирали у стены — и буквально исчезали из вида. Их кожа будто теряла объём, покрывалась тем же тусклым блеском, что и сырая порода, а рваные лохмотья сливались с тенью.

Я впервые увидел это, когда мимо нас прополз крупный ядовитый жук.

Он был размером с крупную собаку, весь покрытый мутной бронёй и поблёскивающей ядовитой слизью. Прошёл в нескольких шагах от зелёных — и не заметил их.

А потом заметил меня.

Тварь сорвалась с места так быстро, что я едва успел отступить. Жук поднялся на задние лапы, щёлкнул жвалами и рванул прямо в лицо одному из моих слуг.

— Дистанцию! — крикнул я.

Слуги отскочили, не давая ему вцепиться в плоть. Жук прыгнул, выплеснул вокруг себя короткое облако ядовитого пара, но мои люди уже били его с боков. Один распорол ему мягкое брюхо снизу, второй раздробил лапу, а я вогнал меч Одноглазого между пластинами панциря.

Жук задёргался и затих.

Зелёные тут же окружили труп, как стая голодных воришек, и принялись быстро снимать с него яд и слизь, размазывая их по своим коротким клинкам и костяным иглам.

— Пригодится, — сказал самый старый из них. — Жуки любят свой яд. Но дохнут от него тоже красиво.

Дальше было ещё хуже.

Жуки нападали не один раз. Некоторые падали с потолка. Другие лезли из трещин. Один попытался утащить зелёного в боковую нору, и мне пришлось вырубить ему полголовы ударом по шее. Пещера петляла, воняла, дышала ядом, а мы всё глубже шли к чужому сердцу.

И всё же в какой-то момент я понял, что впереди — не вся опасность.

Позади могло остаться нечто, что потом ударит в спину.

Когда один из проходов разделился надвое, зелёные почти силой потянули меня вправо.
— Туда! Там улей! Скоро! Уже скоро!

Но слева уходил ещё один туннель — низкий, темнее прочих, с тяжёлым запахом металла и падали.

Я остановился.

— Вы к улью. Я — туда.

— Но хозяин...

— Если сзади сидит ещё одна тварь, я не собираюсь оставить её у себя за спиной.

Пришлось идти за мной.

Через несколько минут левый проход расширился, и мы вышли в неровную каменную залу. В её центре лежал огромный мешок, стянутый ремнями и старой кожей. Внутри что-то тяжело переливалось и звякало.

Золото.

Я даже не успел усмехнуться, как земля вокруг мешка разорвалась, и из-под неё один за другим полезли жуки-стражи.

— Назад! — рявкнул я.

Твари оказались не тупыми. Они не бросились сразу. Вместо этого поднялись над мешком, выпустили густое ядовитое облако и обволокли им и золото, и подход к нему.

Ждали.

Но ждали не дольше, чем нужно.

Мы выманили их с места. Мои слуги били с дальних углов, зелёные подрезали лапы, а я добивал тех, кто спускался слишком низко. После короткой, яростной драки возле мешка остались только шевелящиеся лапы и раздавленные панцири.

Я подошёл ближе. На мешке лежала тонкая маслянистая плёнка яда.

И тогда мне в голову пришла мысль.

— Берём, — сказал я.

— Хозяин? — пискнул зелёный.

— Берём. Но не голыми руками. И не очищать.

Половину слуг я оставил со мной. Остальным велел вместе с двумя зелёными тащить мешок назад, ближе к входу, в один из широких боковых карманов пещеры.

— Поставите и ждёте. Если услышите что-то тяжёлое — не геройствуйте.

Они ушли.

А мы пошли к улью.

Пока я углублялся в пещеру, в таверне уже ждали возвращения бармена.

Он вошёл быстро, ещё пахнувший чужими травами и кровью деревенских ворот, и сразу услышал голос из дальнего угла:

— Проходи. Я знал, что ты вернёшься.

За дальним столом, в тени, сидел человек в тёмном капюшоне. Это был не тот наёмник, которого я когда-то зарубил. Это был его брат. Черты лица у них были похожими, но у этого в глазах не было жадности. Только тихая, холодная злоба.

Бармен сел напротив, поставил портфель у ноги и начал рассказывать всё, что успел вытянуть из Кирилла.

Киллер слушал молча. Ни разу не перебил. Только под конец сжал кружку так, что та едва не треснула в его ладони.

— Значит, лес, — сказал он.

— Похоже на то.

— И меч всё ещё при нём?

— При нём.

Киллер кивнул. Потом резко ударил бармена в лицо. Не сильно — ровно настолько, чтобы напомнить, кто здесь главный.

— Слушай внимательно. Теперь ты идёшь в Кутёж. Втираешься обратно в доверие, как умеешь. Не спешишь. Не дёргаешься. Если староста сведёт тебя с героем — бьёшь сразу. Не выйдет — подашь знак. Тогда в игру войду я.

Бармен вытер кровь с губы и криво усмехнулся.

— А если герой сначала войдёт в игру со мной?

— Тогда не возвращайся.

Он склонился ближе.

— Голова — моя. Меч — твой. Так устроит?

Бармен помолчал секунду, а затем протянул руку.

— Устроит.

Они пожали друг другу руки.

И в тот же вечер оба начали собираться в дорогу.

Когда мы почти добрались до улья, тишина стала подозрительной.

До этого пещера всё время шуршала, звенела, скреблась. Здесь же стало слишком пусто. Только слабое зелёное мерцание впереди да редкие капли воды, падающие с потолка.

Потом я увидел сам улей.

Он стоял в огромной каменной камере, весь дышащий мягким зелёным светом, покрытый тонкими живыми волокнами и ячеями. Красивый. Чужой. И совершенно одинокий.

Ни одного зелёного рядом.

Ни одного жука на виду.

— Ловушка, — сказал я.

Зелёные зашевелились тревожно, но спорить не стали.

И в этот момент откуда-то из темноты позади раздался крик:
— Господин!

Я резко обернулся.

По проходу к нам, спотыкаясь, бежал мой слуга. За ним — дрожала земля.

А за дрожью шёл тролль.

Он был громадный, облезлый, весь разорванный, будто его много лет жрали заживо и всё равно не доели. Из спины торчали обломки копий. На плечах висели ржавые обрывки цепей. За спиной, привязанный ремнями, болтался мешок с золотом. А в руке он волок дубину, собранную из кости, железа и чьих-то тел.

Но самым страшным были глаза.

Вернее — то, что от них осталось.

Пустые, обожжённые провалы.

Слепой.

— Он нашёл золото, — прохрипел слуга, добежав до меня. — Мы поставили мешок, как вы велели... Он вышел на шум... Один зелёный толкнул мешок ему под морду... Яд выжег ему глаза... но он не сдох. Он всех порвал. Всех.

Я посмотрел на тролля.

Тот тяжело втягивал воздух, облизывался и, кажется, улыбался.

— Спасибо, — сказал я слуге. — Дальше назад.

Он только кивнул, весь дрожа.

И тут шум золота, цепей и шагов сделал то, чего я опасался с первой секунды.

За зелёным ульем что-то вспухло, зашевелилось, и из тьмы начала выползать матка ядовитых жуков.

Она была не просто большой. Она была омерзительно величественной. Панцирь блестел мокрой чёрно-зелёной бронёй, из боков торчали длинные шипы, брюхо тянулось тяжёлым мясистым мешком, а мутные глаза смотрели так, будто в них вообще не было разума — только вечный голод. За ней один за другим выходили жуки помельче. Слева, справа, с потолка.

Я оказался ровно там, где и должен был умереть по чужому плану.
Троль спереди.
Матка и улей сзади.
Между ними — я, мои слуги и зелёные.

— Хозяин... — прошептал один зелёный. — У нас беда.

— Я заметил, — ответил я.

Матка раздвинула жвала и выпустила в воздух тонкую струю яда. Она не спешила. Она была уверена, что пещера уже проглотила нас.

Я быстро огляделся.

Если броситься на матку — троль ударит сзади.

Если всей толпой навалиться на троля — матка поднимется и накроет нас облаком яда.

Если метаться — сдохнем все.

И тогда я понял, что убивать их по отдельности не выйдет.

Значит, надо было столкнуть их друг с другом.

— Слушайте внимательно, — сказал я. — Улья не касаться. Жуков от улья отсекать. Троля не бить в лоб — он слышит каждый шаг. Мне нужен шум за маткой. Много шума. Когда я крикну — звените железом, бейте по камню, орите, что угодно. Только не раньше.

— Она бронирована, хозяин, — быстро сказал самый старый зелёный. — Спина крепкая. Огонь её бесит, но не ломает. Мягкое место снизу. Под пузом. И в сочленениях.

— Принял.

— А яд?

— С вами он справится не сразу, — ответил зелёный сам за себя. — Но облако убьёт и нас. И ваших тоже.

Я кивнул.

— Тогда не даём ей подняться слишком рано.

Я перехватил меч Одноглазого и шагнул вперёд.

Матка увидела огонь на клинке и зашипела.

Я ударил первым.

Пламя лизнуло её по морде, по шипам, по передним лапам. Не пробило. Но этого и не требовалось. Мне нужно было разозлить её. Заставить забыть всё, кроме меня.

Это сработало.

Матка рванула вперёд, жуки за ней. Я отступил влево, отбил первого, второго рассёк по брюху, третьего отшвырнул пылающим ударом. За спиной уже слышалось тяжёлое сопение тролля. Он прислушивался. Он ловил нас. Он искал, где раздастся самый вкусный звук.

— Сейчас! — заорал я.

И пещера взорвалась шумом.

Зелёные и мои слуги ударили клинками по камню за спиной матки. Завизжали. Зазвенели железом. Кто-то нарочно швырнул щит о стену. Звук рванулся волной по всему залу.

Троль взревел.

И пошёл на него.

Нет — не пошёл. Полетел.

Ослепший, израненный, бешеный, он рванулся на звук так, будто вся его жизнь свелась к этой секунде. Матка успела только начать разворот. Жуки кинулись ему навстречу — и были просто смяты. Троль врезался в матку всем своим весом, проломил передние лапы, опрокинул её набок и впечатал в каменный выступ возле улья.

Хруст пошёл по всей пещере.

Матка взвыла так мерзко, что даже у меня в зубах заныло.

— За мной! — крикнул я.

Мы ударили сразу.

Зелёные посыпались на упавшую тварь сверху, втыкая отравленные иглы в сочленения. Мои слуги рубили лапы. Я подскочил сбоку и, пользуясь тем, что троль разорвал её защиту, всадил меч снизу, под панцирь, в мягкое брюхо.

Матка дёрнулась.

Я рванул клинок вверх.

Чёрно-зелёная дрянь хлынула наружу, обжигая всё, до чего дотянулась. Несколько жуков сразу заверещали и начали корчиться в собственной отраве. Матка ещё пыталась подняться, но один из зелёных прыгнул ей на голову и вогнал костяной шип прямо в глаз.

Я нанёс второй удар.

Потом третий.

И королева рухнула окончательно.

Жуки ещё некоторое время дрались, но уже без строя и смысла. Их добивали быстро — кто мечом, кто копьём, кто ядовитыми иглами. Возле улья осталось лишь месиво из панцирей, слизи и дыма.

Зелёные заорали от радости.

Но рано.

Троль выжил.

Весь забрызганный ядом, с изрезанной мордой, со сломанными костяными шипами матки в боку, он медленно повернулся в мою сторону.

Улыбнулся.

И поднял дубину.

— Все назад, — сказал я тихо. — Улей — подальше. Никто не лезет, пока я не скажу.

— Господин...

— Назад.

Они послушались.

Троль стоял, покачиваясь, но не падал. Его держала не сила — ярость. Слепая, старая, вбитая в мясо вместе с цепями и голодом.

Я пошёл к нему сам.

Он услышал шаг. Рванул дубиной так быстро, что я едва успел подставить меч. Удар прошёл в плечо, в руку, в рёбра. Меня швырнуло в стену, воздух вышибло из груди. Но я всё ещё держал клинок.

Троль двинулся следом.

Теперь он бил не вслепую, а на слух — резко, коротко, почти без замаха. Дважды я ушёл в последний миг. Один раз полоснул его по боку. Огонь прошёл по коже, но тот словно даже не заметил.

Тогда я увидел то, что должен был заметить раньше.

Под левым ребром, там, где торчал обломок старого копья, мясо было раскрыто глубже всего. Старая рана, которую он так и не успел залечить. Всё остальное на нём держалось на ярости и чудовищной живучести. Но это место — нет.

Мне нужен был всего один правильный удар.

Троль снова пошёл на меня.

Я отступил на шаг, другой, третий — прямо к его золоту, которое валялось неподалёку, разорванное после удара о камень. Носком сапога я толкнул мешок. Монеты посыпались по полу с таким звоном, будто сама пещера запела.

Троль дёрнулся на звук.

Всего на долю секунды.

Мне хватило.

Я шагнул вбок, ушёл под летящую дубину и вогнал меч в старую рану по самую гарду.

Троль взревел и всё-таки успел ударить меня кулаком в грудь. Я отлетел, покатился по камню, чуть не потеряв клинок. Но лезвие уже сидело в нём.

Он сделал шаг.

Ещё один.

Потом грузно рухнул на колено.

Я вскочил, подбежал и обеими руками рванул рукоять выше, направляя клинок к сердцу.

Троль захрипел.

Дубина вывалилась из его лапы.

Он поднял морду, повернул её ко мне своими слепыми провалами — и впервые в этом уродливом лице не было ни ярости, ни голода. Только усталость. Такая старая, такая тяжёлая, будто она жила дольше самого леса.

Губы тролля дрогнули.

— Спасибо... — выдохнул он.

И умер.

Я ещё несколько секунд стоял над ним, не двигаясь. Потом вытащил меч и только тогда понял, как сильно дрожат у меня руки.

За спиной слышались осторожные шаги.

Зелёные выходили из укрытий.

Один за другим.

Кто-то уже обнимал свой улей. Кто-то, не веря, трогал мёртвую матку. Кто-то смотрел на меня так, будто я только что вытащил их из конца света.

Самый старый зелёный подошёл и низко поклонился.

— Дом спасён. Улей спасён. Вы спасли нас.

Я медленно вытер клинок о камень.

— Не расслабляйтесь. Пока мы внутри, эта пещера всё ещё может решить сожрать нас напоследок.

Они закивали.

Я посмотрел на золото, на мёртвую матку, на тушу тролля и на зелёный улей, который снова дышал спокойно.

— Забираем улей, — сказал я. — Золото — тоже. Раненых вперёд. Никто не отстаёт. И быстро выходим.

— А потом? — спросил старый зелёный.

Я поднял на него взгляд.

— Потом вы расскажете мне всё, что знаете про путь к храмам Оберона.

Он улыбнулся своей жуткой, ломаной улыбкой.

— Теперь расскажем. Теперь проведём. Без нас туда никто не пройдёт.

Мы двинулись к выходу.

За спиной оставалась пещера, полная вони, яда и мёртвых тварей. Впереди ждал лес — ещё живой, ещё больной, ещё полный ловушек.

Но теперь у меня были зелёные.

А это значило, что в этой войне я вышел из пещеры не с пустыми руками.

Тридцать шестая глава

«Эльфийская роща»

Мы вышли из пещеры уже не так, как входили.

Когда-то я спускался туда за зелёными, думая только о новой силе и новом рое. Теперь же из мрака за моей спиной выносили не только спасённый улей, но и мешки с золотом, отвоёванным у мёртвого тролля, а впереди меня шёл целый выводок вонючих, дёрганных, но теперь уже преданных мне зелёных.

У выхода из пещеры я остановил всех.

— Улей и золото — в башню, — приказал я. — Раненых не бросать. Кто дойдёт первым, пусть скажет Гнарлу, что я не умер и, к сожалению для всех вокруг, умирать пока не собираюсь.

Зелёные радостно зашипели. Бурые слуги глухо засмеялись.

Но я оставил при себе часть отряда — самых крепких бурых и тех зелёных, что лучше других знали тропы возле корней.

Потому что бой в пещере ещё ничего не заканчивал.

В лесу по-прежнему стояли корни Оберона. А значит, стояла и сама задача.

Мы повернули назад.

Дорога к отравленному корню заняла меньше времени, чем в первый раз. То ли я уже знал путь, то ли лес после смерти матки и тролля будто на миг отступил, давая мне пройти дальше. Но вонь не исчезла. Она висела между деревьями, цеплялась за кору, за корни, за тряпки зелёных. Сама земля казалась больной.

Когда мы подошли ко второму питающему узлу, я сразу понял, что без зелёных сюда не пробился бы.

Корень поднимался из земли, как огромная живая жила, весь покрытый чёрно-зелёной пульсацией. Вокруг него росли мясистые ядовитые цветы — те самые, что дышали отравой и лопались от малейшего неосторожного движения. Я чувствовал их запах даже на расстоянии.

— Ваше место, — сказал я зелёным.

Старый зелёный, тот самый, что больше всех говорил в пещере и больше всех выжил, скривил свой острый рот в ухмылке.

— Наше, хозяин.

Они бросились к цветам без страха, словно шли не по отравленному кругу, а по обычной сырой траве. Один выдрал из земли толстый красный стебель. Второй отломил мясистую головку цветка и швырнул её в сторону. Третий резал стебли коротким костяным клинком, обмазанным ядом мёртвых жуков. Там, где любой другой уже валялся бы в судорогах, зелёные только сердито шипели и продолжали работу.

Мы с бурыми держали периметр. Несколько раз из лесной подстилки выползали мелкие ядовитые твари, похожие на слизней с костяными челюстями. Один раз над головой мелькнула костяная маска оленя, но хозяин её так и не показался. Видимо, после пещеры лесные твари уже не спешили проверять меня в лоб.

Когда ядовитый круг был прорван, корень открылся весь.

Я шагнул вперёд и положил ладонь на меч Одноглазого.

— Рубите вместе, — сказал я. — И быстро.

Зелёные вонзили свои клинки в нижнюю мякоть корня, бурые били выше, а я ударил мечом туда, где под корой уже ходила боль. Корень вздулся, затрещал и выгнулся, будто под ним шевельнулось что-то огромное. Изнутри проступил зелёный свет. Потом красный. Потом чёрный.

И всё лопнуло.

Гнилой сок брызнул на землю. Воздух качнулся. Где-то в глубине леса пронёсся долгий стон, похожий на звук, с которым выворачивают из груди старое сердце.

Второй корень пал.

И почти сразу я почувствовал перемену.

Не освобождение. Не облегчение.

Просто другой вид болезни.

Ядовитая дымка, висевшая над тропой, поползла вниз, а впереди, между деревьями, впервые за всё время мелькнул не мёртвый зелёный отсвет, а живая вода.

— Туда, — тихо сказал старый зелёный и ткнул когтем вперёд. — Там чисто. Но недолго.

— Почему недолго?

Он посмотрел на срубленный корень.

— Потому что лес уже знает.

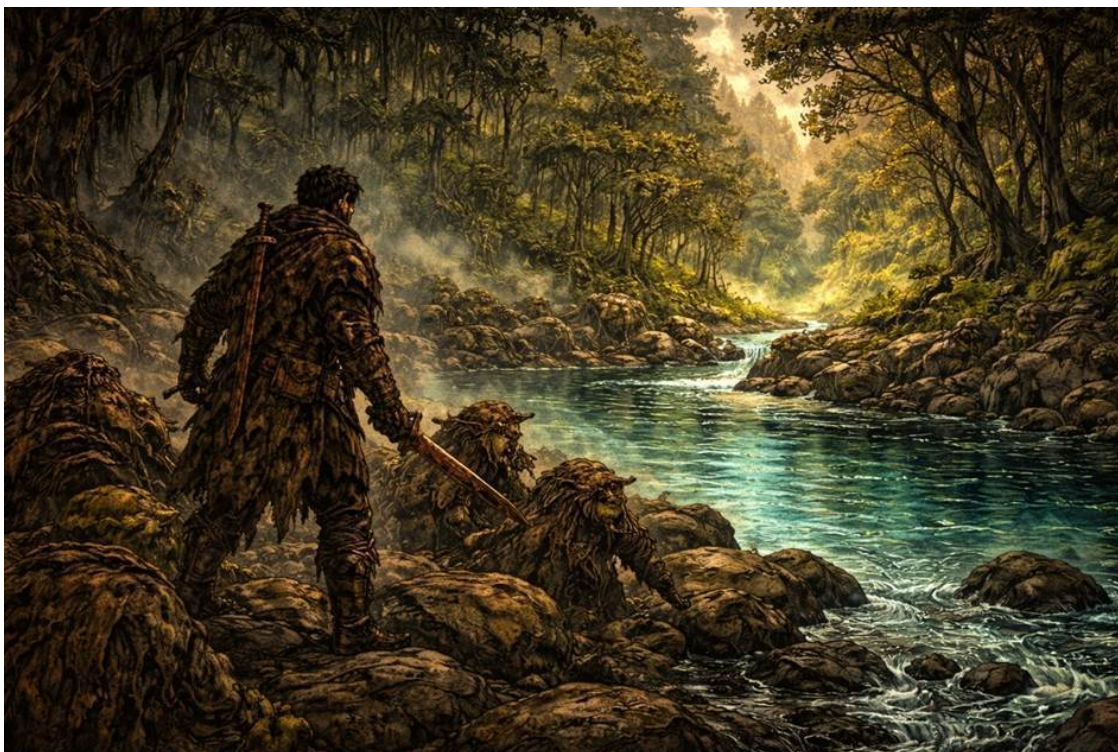
Мы двинулись дальше.

Чем ближе была вода, тем сильнее менялся сам лес. Гнилых наростов становилось меньше. Корни больше не ползли по земле, как змеи. Даже воздух становился чуть легче, хотя в глубине за спиной всё ещё шевелилось что-то болезненное.

Вскоре тропа вывела нас к реке.

Она была неширокой, но очень быстрой. Вода в ней не казалась обычной: слишком прозрачная, слишком холодная на вид, будто текла не из леса, а из какого-то другого, лучшего мира. На противоположном берегу начиналась совсем другая земля. Там трава была светлее, деревья не чернели от порчи, а туман не гнил, а просто стелился над водой.

Я первым спустился к реке и шагнул на гладкие камни.

Ледяная вода мгновенно вцепилась в сапоги, но не обожгла. Зато когда один из бурых попытался последовать за мной, течение ударило ему по ногам так сильно, будто хотело не пропустить дальше.

Зелёные загалдели, зашипели, отступили.

— Вода не любит нас, — буркнул старый зелёный. — И их тоже.

Я осмотрел берег, выбрал молодое деревце с уже надломленным стволом и, вместе с двумя бурыми, повалил его так, чтобы оно легло поперёк реки. Ствол дрогнул, заскрипел, но выдержал.

— По одному. Быстро.

Так мы перебрались на другой берег.

И именно там я увидел третий корень.

Он торчал в стороне, почти у самого изгиба реки, уходя на маленький островок — не остров даже, а клочок сырой земли среди воды и кочек. Сам корень был тоньше первых двух, но выглядел злее. Он будто пробивался из заражённой части леса в светлую землю, врезаясь в чистую воду и отравляя её своим присутствием.

— Понятно, — сказал я. — Вот почему здесь граница.

Островок был отделён водой, и обычным прыжком туда добраться могли разве что зелёные.

— Вы — на остров, — приказал я им. — Рубите корень и не геройствуйте.

— Не геройствовать — это не про нас, хозяин, — оскалился один из зелёных, но всё же послушался.

Они прыгнули первыми.

Стоило им подбежать к корню, как земля за ним вздулась, и оттуда вылетела первая жаба.

Она была размером с овцу, вся покрытая мокрой бородавчатой шкурой, с глазами, будто налитыми болотной желчью. Жаба сразу выбросила длинный липкий язык и схватила одного зелёного поперёк груди.

Тот завизжал, но двое других успели рубануть тварь по пасти, и она рухнула в воду.

— Быстро! — крикнул я. — Корень важнее!

Но за первой жабой появилась вторая.

Потом третья.

Потом сразу две.

Они лезли из нор, из-под кочек, будто сам остров хранил их внутри. Стоило одной сдохнуть — на её место тут же выскакивала другая. Зелёные дрались как одержимые, но я видел, что если эта дрянь затянется, мы просто увязнем в жрущем, квакающем болоте посреди святой границы.

И тут вода справа вспухла особенно сильно.

Из неё, разбрасывая брызги, поднялась огромная жаба — в три раза больше остальных. Её спина была покрыта костяными наростами, словно она годами росла рядом с заражённым корнем и сама стала частью этой болезни.

Она посмотрела не на зелёных.

На меня.

Я едва успел пригнуться, когда язык, длинный и блестящий, как сырой канат, хлестнул через половину берега. Он ударил в камень рядом с моим лицом и с треском вырвал кусок мха.

— Вот и царица, — пробормотал я.

Зелёные пытались атаковать её с боков, но она отпрыгивала так резко, будто весила не как телега, а как пустой мешок. Любого, кто отходил от корня, она тут же старалась снять языком или утопить в воде.

Я понял, что лезть в эту кашу всем скопом бессмысленно.

— На жаб не смотреть! — рявкнул я. — Корень рубить до конца!

— А если нас сожрут? — выкрикнул кто-то из зелёных.

— Тогда вас сожрут занятых делом!

Это им почему-то понравилось.

Они взвыли, вцепились в корень и начали рубить его ещё яростнее.

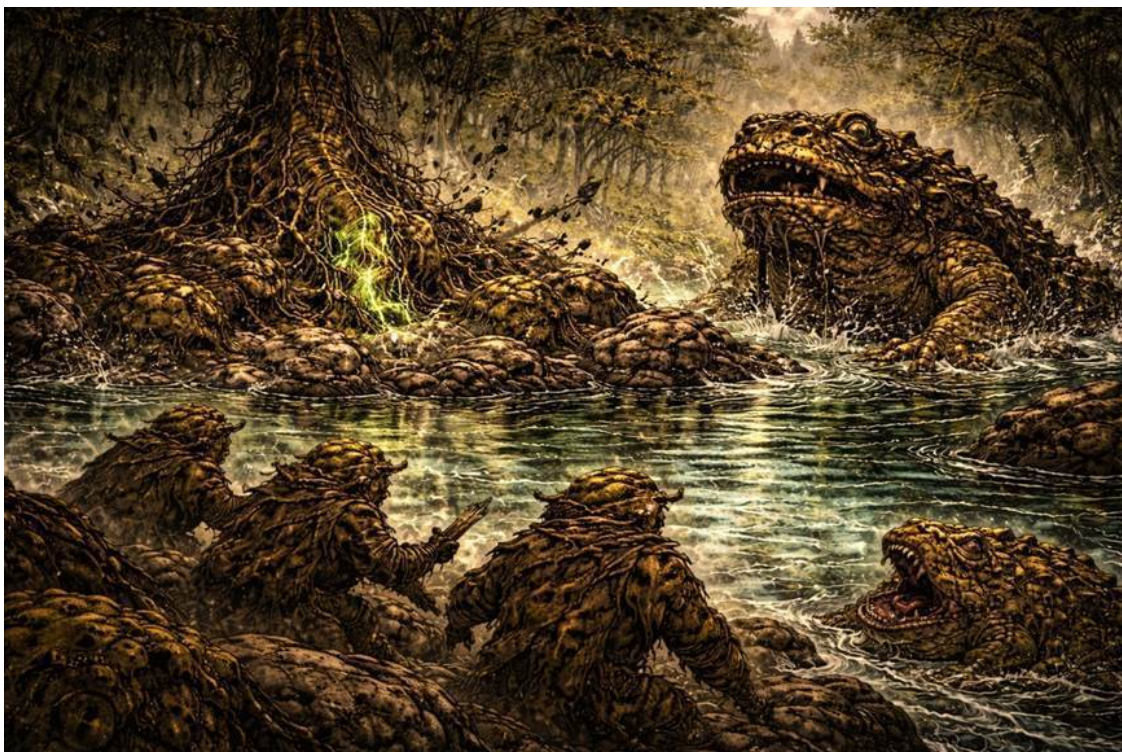
Я держал большую жабу на себе. Дважды она пыталась стянуть меня языком в воду. Один раз я успел обмотать липкий конец вокруг меча и отсечь кусок. Второй раз упал на одно колено и полоснул ей по морде, заставив отпрянуть с диким мокрым визгом.

Тем временем бурые с берега били мелких жаб копьями и камнями, не давая им совсем задавить остров.

Потом раздался знакомый треск.

Третий корень пошёл трещинами.

Земля на острове вздрогнула. Вода вокруг словно втянула воздух. Большая жаба резко обернулась, будто сама поняла, что сейчас кончится не просто кусок корня, а что-то, что держало весь этот гнилой выводок.

Зелёные рубили уже не сражаясь, а добивая.

Корень лопнул.

Изнутри хлынула тёмная жижа, но её тут же подхватило течение и унесло прочь. В ту же секунду весь остров будто выдохнул. Жабы заверещали. Несколько мелких сразу начали дёргаться и валиться в воду. Большая отпрыгнула назад, но я уже рванул за ней по поваленному в трясину куску корня и с размаху всадил меч ей в шею.

Она мотнулась, швырнула меня плечом в грязь, но зелёные уже набросились сверху, как в пещере на матку, и добили её своими иглами и короткими клинками.

Остальных мы резали уже скорее из злости, чем из необходимости.

Когда всё кончилось, я стоял по колено в грязи, весь в жабьей слизи, в болотной вони и липкой крови, и смотрел, как чистая вода медленно смывает чёрную жижу от мёртвого корня.

Третий корень пал.

И тогда лес содрогнулся уже по-настоящему.

Это было не просто далёкое эхо. Не просто стон. По всему пространству прошла такая дрожь, будто где-то под землёй повернулось огромное спящее тело. Птицы сорвались с деревьев сразу целой тучей. Вдалеке завывли лесные твари. А над главной чащей, там, где должен был стоять купол Оберона, на миг вспыхнул мутный зелёный свет.

Я почувствовал холод.

Три.

Это был уже третий.

— Теперь назад быстро не получится, — тихо сказал старый зелёный.

— Почему?

Он посмотрел туда же, куда смотрел я.

— Потому что половина уже мертва.

Я ничего не ответил.

Просто развернулся и пошёл к светлой земле впереди.

Теперь путь в рощу был открыт.

Чем дальше мы уходили от реки, тем меньше этот лес походил на прежний.

Здесь не было чёрной коры. Не было язв на земле. Не было гнилых цветов и тяжёлого запаха. Воздух был прохладный, влажный и живой. Под ногами мягко пружинил мох. Свет, пробивавшийся сквозь кроны, не казался больным. Даже тишина здесь была другой — не мёртвой, а настороженной.

Очень скоро на тропе показались двое эльфов.

Они стояли неподвижно, тонкие и светлые, в одеждах, которые скорее напоминали живые листья, чем ткань. Их лица были спокойны, но в глазах не было ни радости, ни доверия.

— Путник, — прозвучал у меня в голове первый голос.

— Приветствуем тебя в нетронутой земле эльфов, — вторил второй.

Я остановился и опустил меч ниже, показывая, что не собираюсь бросаться вперёд.

— Я ишу путь через священную рощу, — сказал я. — Не для грабежа. Не для охоты.

Мне нужен проход дальше.

Оба эльфа молчали несколько секунд.

Потом один из них спросил:

— Ты привёл в нашу рощу тех, кто пахнет ядом, кровью и мёртвым роем. Почему мы должны пустить тебя?

Я посмотрел на зелёных. Те тут же постарались встать как можно тише и приличнее, но получалось у них это отвратительно.

— Потому что если бы не эти вонючие твари, один из ваших отравленных корней до сих пор стоял бы у границы, — ответил я. — И потому что я не пришёл жечь вашу землю. Я пришёл пройти её.

Эльфы переглянулись.

— Можешь войти, — сказал первый. — Но только пока не поднимешь руку на то, что принадлежит роще.

— И пока твои слуги не обратят её в бойню, — добавил второй.

Я кивнул.

— Договорились.

Мы вошли.

И даже после всего, что я видел в этих мирах, роца сумела заставить меня остановиться.

В центре её, среди серебристой травы и низких светлых деревьев, росло небольшое красное древце. Не мрачное, не кровавое — именно красное, как живая искра, как сердце в прозрачной груди. Листья его мерцали алым на свету, а за ним, чуть дальше, виднелась каменная круглая площадка, будто сама земля звала меня туда.

Я пошёл осторожно.

Слуги и зелёные шли за мной почти молча, и даже самые шумные из них притихли.

И тогда между белыми стволами показались два единорога.

Они не были похожи на сказочных зверей из детских картинок. Эти были слишком живыми и слишком чужими. Высокие, белые, с длинными ногами, как у лесных духов, с гривами, в которых не путалась грязь, и с рогами, тонкими и длинными, как вытянутые лезвия. Но страшнее всего было другое: они казались бескровными. Не мёртвыми — нет. Просто внутри них текло нечто светлое, не красное, не человеческое. Будто под белой шкурой у них была не плоть, а тихий живой свет.

Оба смотрели прямо на меня.

Потом первый опустил рог и рванул с места.

Я едва успел уйти вбок. Рог прошёл мимо моего живота в каких-то пальцах. Следом ударил второй. За ним — снова первый. Они не визжали, не рычали, не били в ярости. Они просто отгоняли меня от площадки — уверенно, без усталости, как будто так же двигались сотни лет.

Бурые попытались поставить щиты, но один единорог перепрыгнул их так легко, будто они были кочками. Зелёные прыснули в разные стороны, ругаясь и шипя.

Я мог ударить.

Оба зверя подходили под меч не раз.

Но если бы я пролил кровь в священной роще, эльфийская часть леса закрылась бы для меня навсегда. Я это понял сразу.

Поэтому я только уворачивался.

Первый ударил справа. Я ушёл к деревцу. Второй отсек меня от площадки. Один пронёсся мимо и разрезал рогом плащ одного бурого. Второй вбил копыто в камень так, что тот раскололся, а потом снова повернулся ко мне.

Так прошло много времени.

Слишком много.

Они не уставали.

Я — уставал.

И тогда я понял, что в лоб роща меня не пустит.

— Отвлеките их! — крикнул я своим. — Только не трогать! Не резать! Ни одной царапины!

— А если они нас проткнут? — взвыл один зелёный.

— Тогда бегай быстрее!

Этого оказалось достаточно.

Бурые начали уходить кругами по поляне, шуметь щитами, швырять ветки, уводя первого единорога на себя. Зелёные, наоборот, юркнули под низкие корни, запищали в разных местах и стянули на себя внимание второго. Ни один из них не мог долго сдерживать зверя, но мне нужен был не час. Мне нужен был один проход.

Когда оба единорога на миг отвернулись, я рванул к площадке.

Не по прямой — зигзагом, между красным древцем и светлыми камнями, почти не дыша. Один из единорогов заметил меня слишком поздно. Он уже разворачивался, когда я влетел на круглую каменную площадку, и мир под ногами тихо дрогнул.

Воздух вспыхнул серебристым кругом.

Голос прозвучал сразу, как только я оказался в центре:

— Приветствую вас, господин. Это второй из шести порталов. Найдите остальные, и путь между башней и землями станет короче. Удачи, господин.

Я выдохнул.

Секунду спустя в свете портала разорвался привычный силуэт, и из круга шагнул Гнарл.

Он появился осторожно, сразу осмотрелся по сторонам и на миг даже растерял всю свою вечную язвительность.

— Ого, — сказал он уже вслух. — Вот это место.

Единороги стояли в стороне, больше не нападая. Только смотрели.

Гнарл сделал ещё шаг и поморщился, будто сама роща не слишком хотела его принимать.

— Портал работает, хозяин, — сказал он. — Значит, теперь у нас есть второй узел прямо в лесу. Очень хорошо. Очень полезно. И очень опасно, если это место кто-то ещё найдёт.

Я кивнул.

— Я тоже так подумал.

Он покосился на единорогов.

— И я бы на вашем месте не пытался их прирезать. Похоже, роща этого не простит.

— Уже понял.

Гнарл склонил голову.

— Тогда не теряйте её дальше, мой господин. Вам ещё возвращаться к Оберону. А лес после трёх корней, думаю, стал намного злее.

— Это я тоже уже понял.

Он усмехнулся, шагнул обратно в портал и исчез.

Свет погас.

Площадка снова стала просто камнем среди травы.

Я спустился с неё медленно. Единороги провожали меня взглядом, но больше не бросались. Будто сама роща решила, что испытания на сегодня хватит.

На краю тропы меня снова встретили эльфы-стражи.

— Ты прошёл, не пролив здесь крови, — сказал один.

— Значит, роща вытерпела тебя, — добавил второй.

— Мне этого достаточно, — ответил я.

— А нам — нет, — сказал первый. — Три корня уже мертвы. Лес это почувствовал. Возвращайся быстро. Теперь к Оберону поведут не только пути, но и те, кто захочет тебя на этих путях убить.

Он не угрожал.

Просто предупреждал.

Я кивнул.

Потом собрал своё войско, зелёных, бурых, уцелевших проводников рощи — и мы двинулись обратно, туда, где за куполом и корнями ждал Оберон, а дальше — его храмы.

За спиной оставался Великий оазис эльфов — светлый, чистый, живой.

Впереди снова начинался больной лес.

И я уже знал, что после третьего корня он больше не будет прежним.

Тридцать седьмая глава

«Лесные твари»

Прошло время, и я снова вышел к Оберону.

Теперь место у его купола уже не казалось мне пустым или мёртвым. Вокруг светящегося барьера стояли эльфы — десятки, а может, и больше. Одни сторожили подходы, другие вслушивались в землю, третьи просто смотрели на корни так, будто ожидали от них новой беды в любую секунду.

Когда я подошёл ближе, несколько лиц сразу повернулись ко мне.

— Снова этот путник, — глухо прозвучало у меня в голове.

Я не обиделся. После трёх разрушенных корней это было даже мягко.

— Так что здесь происходит? — спросил я, оглядывая эльфов и сам купол.

Один из них, высокий, с тонкой серебряной вязью по скулам, шагнул вперёд.

— Лес заболел сильнее. Кто-то разрушает корни Оберона. Это будит не только его силу, но и весь ужас, который в ней спал.

— Кто-то? — переспросил я.

Эльф скользнул по мне спокойным, очень нехорошим взглядом.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть.

Я чуть усмехнулся.

— Ладно. Тогда скажи, что осталось.

Другой эльф, постарше, ответил сразу:

— Из шести узлов три уже мертвы. Три ещё стоят. Один — под самим Обероном, у основания его дерева. Пока он жив, главный купол держится. Второй — в старой части нашего королевства, там, где ещё стоят стражи древней крови. Третий — в земле лесных тварей. Они обложили его костями, идолами и жертвенной грязью, как будто хотят вырастить возле него собственный трон.

— Значит, один корень внизу, один у древних эльфов, один у тварей, — повторил я. —
Понял.

— Это ещё не всё, — сказал третий. — Лесные твари украли статуэтку Оберона.

— Какую?

— Малую реликвию, — ответил он. — Ту, что хранилась в храме памяти. Оберон до проклятия. Не дерево. Не корень. Король.

Я нахмурился.

Слишком уж знакомо это звучало. Статуэтка Мэлвина уже обернулась для меня не сокровищем, а новой ниткой в чужую старую игру. Значит, и здесь всё не так просто.

— Зачем она им? — спросил я.

Эльф опустил взгляд.

— Потому что лесные твари охотятся не только за силой корней. Они охотятся за памятью власти. За образами тех, кто владел этим лесом до них. Им нужно не золото. Им нужно доказательство, что теперь хозяева здесь они.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом из толпы вышел ещё один эльф — самый древний из всех. Его волосы были белыми не от красоты, а от возраста, а голос звучал так, будто шёл не из головы, а из самой старой древесины под ногами.

— Есть и худшая правда, путник.

Я посмотрел на него.

— Какая?

— Мы веками винили гномов в краже Великой статуи Богини-Матери.

Он замолчал, и даже другие эльфы заметно напряглись.

— Но корни ослабли, — продолжил он, — и древняя память проснулась в камне. Это был не гномий набег. Голдо сам вынес статую после Великого похода. А гномьи ходы использовал как ложный след. Мы посылали отряды в их мир, думая, что идём возвращать украденное. На самом деле мы шли по чужой, заранее подложенной лжи.

Я не сразу ответил.

Голдо и без того давно уже вонял предательством, но теперь в его руках оказывалась ещё и великая святыня эльфов.

— Значит, он украл не только трон, золото и дружбу, — сказал я наконец. — Он украл вашу память о том, кто был виноват.

— Да, — ответил старый эльф. — И потому мы становимся слабее каждый раз, когда думаем не на ту сторону.

Оберон внутри купола казался неподвижным, но после этих слов мне вдруг почудилось, что одна из древесных жил на его груди дёрнулась.

Лес слушал.

И, может быть, помнил куда больше, чем хотелось бы нам всем.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда начнём с того, что ближе.

Несколько эльфов посмотрели на меня почти враждебно.

— Ты уже начал, — сухо сказал один. — И из-за тебя лес всполошился так, как не вспыхивал с самой порчи.

— А из-за меня же вы узнали, где он ещё жив, — ответил я. — Так что либо вы меня сейчас убиваете, либо даёте закончить начатое.

Напряжение повисло на миг между нами, как натянутая тетива.

Потом тот же старый эльф еле заметно кивнул.

— Мы не любим монстров этого леса, — произнёс он. — А ты сейчас идёшь против монстров. Делай то, ради чего вернулся. Но помни: если разбудишь не того Оберона — спасти тебя не станет никто.

— На милость дерева я и не рассчитывал, — сказал я.

После этого я повернулся к своим и приказал расчистить путь вправо от купола, туда, где ядовитые растения густо закрывали проход в чашу.

Эльфы, конечно, всё поняли сразу.

— Так это из-за тебя рухнули три корня? — тревожно спросил один из них.

— Да, — ответил я без всякого пафоса.

— Тогда надеюсь, ты хотя бы понимаешь, что делаешь.

— Нет, — честно сказал я. — Но останавливаться уже поздно.

Зелёные за моей спиной мерзко, но одобрительно зашипели.

Дорога за ядовитыми зарослями быстро потеряла всякое сходство с тропой.

Она не шла вперед — она извивалась, как живая змея, уводя то между корней, то под висящими ветвями, то вдоль старых камней, из которых когда-то, видимо, и начиналась дорога к лесным святыням. Теперь всё это было изъедено временем и порчей.

Чем дальше мы уходили от эльфийского круга вокруг Оберона, тем больше у меня росло чувство, что лес смотрит не спереди, а с боков.

Не через глаза. Через щели. Через мох. Через чужое дыхание за деревьями.

Мои бурые слуги никого не чувствовали. Зелёные тоже не могли указать пальцем на врага. Но я знал: за нами следят.

И не просто следят. Ждут, где я ошибусь.

Поэтому, когда впереди показался огромный кабан, я остановился сразу.

Он стоял прямо посреди тропы.

Если бы не рост, его можно было бы принять за статую — настолько неподвижным он был. Но статуи не дышат так тяжело. И статуи не держат в лапах каменный топор, на лезвии которого застыли старые бурые пятна.

Кабан был ростом почти с двух троллей. Стоял на задних лапах, как уродливая пародия на человека. На морде у него была костяная маска с вытянутыми клыками, а из-под неё блестели маленькие свиные глаза.

— Не нравится мне он, — пробормотал один из бурых.

— Мне тоже, — ответил я. — Поэтому никто мимо не идёт.

Но, разумеется, один из слуг всё равно решил проверить.

Он шагнул вперёд.

Кабан не шелохнулся.

Слуга сделал второй шаг — и умер.

Я даже не сразу понял, что произошло. Каменный топор сорвался из лап кабана с такой скоростью, будто его выплюнула сама тропа. В одно мгновение он врезался моему слуге в грудь, пробил доспех и вышел между лопаток. Тело рухнуло, а кабан уже снова держал топор в лапах так, будто ничего и не было.

Тишина после этого стала такой густой, что я услышал, как зелёные рядом со мной сглотнули.

— Ага, — тихо сказал я. — Значит, не статуя.

На этот раз я пошёл сам.
Кабан ждал, пока я войду в его радиус.
И когда я вошёл, он снова бросил топор.
Я ушёл вниз, почти падая на колени. Лезвие просвистело над головой, ударилось в дерево и застряло на миг. Вот этой паузы я и ждал.
— Сейчас! — рявкнул я.
Мои слуги сорвались с места разом.
Кабан был страшен не силой, а ритмом. Пока топор возвращался ему в лапы, пока он поднимал его для нового броска, он был уязвим. Мы и били именно в эти доли секунды. Один бурый вонзил копьё ему под ребро, второй рубанул по колену, зелёные набросились на спину и шею, а я успел вскрыть ему горло, прежде чем он снова поймал топор.
Он умер стоя.
Потом только осел на колени, а уже следом рухнул мордой в землю.
За ним тропа продолжалась дальше.

Мы пошли, но теперь я чувствовал слезку ещё острее.

Твари не пытались нас остановить в лоб.

Они гнали нас туда, куда им было нужно.

И вскоре я понял куда.

Тропа разделилась.

Слева, далеко впереди, между стволами пробивался яркий свет. Не тёплый, не эльфийский, не живой. Скорее тот самый больной свет, который бывает у гнилых корней, если их попытаются превратить во что-то другое.

А справа стоял храм.

Полуразрушенный, заросший лианами, с расколотой крышей и затянутой мхом вывеской из старого камня. Но письма на ней ещё можно было разобрать.

Реликвия Оберона.

Я остановился.

Слишком уж удобно.

Слишком уж прямо.

И именно поэтому пошёл туда.

— Это ловушка, хозяин, — пискнул один зелёный.

— Конечно, — ответил я. — Но раз нас сюда заманивают, значит внутри лежит что-то, ради чего стоит заманивать.

Храм встретил меня тишиной.

Ни одного зверя. Ни одного шороха. Только сырые лианы, висящие с потолка, и свет, падающий сверху прямо в центр зала.

А в центре стояла она.

Алмазная статуэтка Оберона.

Не дерево. Не король, вплавленный в ствол. Живой Оберон — гордый, высокий, с распавшимися плечами и посохом в руке. Совсем не тот, кого я видел за куполом. От этого статуэтка казалась ещё более ценной. Она была не вещью, а образом утраченного времени.

И очень сильно напоминала мне статуэтку Мэлвина.

Я уже слишком хорошо знал, что такие игрушки редко стоят просто так.

Но оставлять её тут тоже не собирался.

— Берём и сразу уходим, — сказал я.

Один из бурых подошёл, поднял статуэтку — и храм вздрогнул так, будто его ударили снизу гигантским молотом.

С потолка посыпался камень.

Лианы метнулись.

Где-то в стенах пошёл низкий гул.

— Назад! — крикнул я. — Все наружу!

Мы вылетели из храма почти кубарем.

И как только оказались снаружи, лес перестал притворяться пустым.

Вокруг нас уже стояли крысы.

Их было столько, что я не сразу увидел самого главного. Маленькие, горбатые, в костяных масках, с короткими луками, ножами, кривыми копьями. Они вышли из кустов, из-под корней, с камней, отовсюду разом. А потом между ними вперёд медленно выступил олень.

Тот самый.

Череп древнего эльфийского короля всё так же закрывал половину его морды. Из-под кости блестела живая гниль. Гнилые губы разошлись в мерзкой улыбке.

И говорил он всё тем же ломаным, будто рваным голосом:

— З-а-б-р-а-т-ь н-а-з-а-д с-т-а-т-у-э-т-к-у у в-о-р-а.

Крысы бросились вперёд так быстро, что я даже не успел приказать держать строй. Один слуга только поднял статуэтку выше — и сразу получил удар в колено. Второй схватил крысу за шиворот, но в него уже смотрели три натянутых лука. В итоге реликвию всё равно вырвали у нас из рук и оттащили обратно, за спины крысиного круга.

Олень не спешил.

Он смотрел на меня.

И я понял, что ради одной только статуэтки он бы такой спектакль не устроил.

Он ждал именно меня.

— З-а-б-р-а-т-ь д-о-с-п-е-х-и и о-р-у-ж-и-е у в-с-е-х, — приказал он дальше.

Вокруг нас натянулись тетивы.

Я быстро прикинул дистанцию, количество стрелков, то, как близко стоят крысы, и как плохо закончится первая же попытка рвануть вбок.

Плохо.

Очень плохо.

— Без глупостей, — сказал я своим.

Я первым положил меч на землю. Следом снял перевязь, ремни, доспехи. Мои слуги медлили, но тоже начали разоружаться. Крысы нервно дёргались от любого лишнего движения и сразу впивались в нас глазами-угольками.

Когда всё оружие и броня лежали у их лап, олень чуть наклонил голову, будто прислушивался к чьей-то далёкой воле.

Потом произнёс:

— О-т-н-е-с-т-и в-е-щ-и. А э-т-и-х — н-а-ш-е-м-у г-о-с-п-о-д-и-н-у.

Тут я понял, что всё ещё хуже, чем казалось.

Нас не собирались убивать здесь.

Нас собирались показать.

Крысы окружили нас плотнее и погнали по тропе.

Не направо — туда, где стоял храм.

Налево.

К яркому больному свечению, которое я заметил раньше между деревьями и решил пока не трогать.

Мы шли довольно долго. Чем ближе был свет, тем сильнее менялся воздух. Он становился теплее, сытее, гуще, будто в нём висел запах звериной шкуры, костра, тухлого мяса и влажной земли, которую много раз копали когтями.

А потом деревья расступились.

Перед нами лежала огромная впадина, вокруг которой торчали корни, кости и столбы, увешанные шкурами. В центре из земли поднимался живой, толстый, изломанный корень — не просто узел, а почти целый холм из древесной плоти. Он светился изнутри большим зелёным светом. Вокруг него кишели лесные твари: крысы, олени, волки в черепаках, кабаны, похожие на того стража, и ещё какие-то существа, которых я даже не знал по названиям.

Это и было их логово.

Их корень.

Их сердце.

Крысы толкнули нас вниз по склону. Я едва удержался на ногах.

Олень с черепом вышел вперёд, поднял руку и заговорил уже громче, чтобы слышали все:

— В-о-р-ы. Р-а-з-р-у-ш-и-т-е-л-и. Л-о-м-а-т-е-л-и к-о-р-н-е-й.

Твари зашевелились, загудели, заскрипели клыками.

А потом новый приказ ударил по мне хуже любого топора.

— С-о-д-р-а-т-ь с н-и-х в-с-ё.

Я сначала не понял.

Но крысы поняли прекрасно.

Они вцепились в нас сразу со всех сторон. Сдёргивали плащи, рубахи, ремни, сапоги, штаны, рвали ткань, вонзали когти под воротники, дёргали так быстро и зло, будто им было мало оружия и брони — будто им нужна была сама беспомощность.

Бурые пытались отбиваться руками, но их били древками в спину и под колени. Зелёные визжали, ругались, кусались — бесполезно. Меня толкнули на колени, сорвали остатки одежды, и через несколько секунд я стоял почти нагой посреди их корневой ямы, весь в грязи, крови и чужих руках.

Так же выглядели и мои люди.

Нас лишили не только оружия.

Нас лишили последнего вида силы.

Потом лесные твари начали тащить нас к самому корню.

Он был близко. Слишком близко. Я уже видел, как в его трещинах шевелится зелёный свет и как между древесных волокон торчат впаянные кости.

Я не знал, что именно они собираются с нами сделать.

Но точно знал одно.

До этого момента лес только охотился на меня.

Теперь он собирался меня съесть.

Тридцать восьмая глава

«Олень с бородкой»

Вождь лесных тварей ждал нас не у входа и не в тени.

Он сидел выше всех — за четвёртым корнем Оберона, на троне, сложенном из рогов, позвончиков и огромных выбеленных черепов, будто сама смерть когда-то попробовала отрастить себе спинку и подлокотники. Под ним поднимался странный пьедестал из четырёх живых ярусов. На нижнем, у самой земли, кишели крысы и олени в костяных масках. На втором толклись крысы и кабаны. Третий держали одни только кабаны — тяжёлые, широкоплечие, с каменными топорами и черепами на мордах. А на самом верху, рядом с костяным тронном, из земли вздымался четвёртый корень Оберона — толстый, вздутый, изломанный, как чудовищная жила, в которой вместо крови ходил больной зелёный свет.

И рядом с этим корнем стоял он.

Олень с бородкой.

Старый. Слишком старый даже для этого леса. Шерсть на его загривке была серой, как труха. На шее висели кости, когти и мелкие эльфийские амулеты. Из-под морды торчала длинная редкая борода, похожая на спутанный мох, напитанный кровью. В лапах он держал громадный посох из тёмного дерева, в который были вколочены зубы, камни и человеческие фаланги.

Когда нас гнали вниз по склону, я успел увидеть, как он поднялся с трона, подошёл к корню и приложил посох к его плоти.

Корень вспыхнул ярче.

Свет пробежал по сучковатому древку, по его лапам, по худым костям предплечий. На миг мне показалось, что сам лес вдохнул через него. И тогда я понял, откуда у этих тварей такая сила, откуда их мерзкая живучесть и почему даже павшие у них иногда поднимаются снова. Они не просто служили корню. Они сосали из него жизнь.

Меня толкнули вперёд древком в спину.

Олень с эльфийским черепом — тот самый, что поймал нас у храма, — вёл меня и моих людей через круги тварей к верхнему ярусу. Мы были голыми, грязными, в крови, без доспехов и без оружия. Только на коже остались синяки от крысиных лап, царапины от когтей и тонкий холод, который бьёт в тело, когда тебя лишили последней оболочки силы.

К тому моменту, когда нас подвели к самому трону, мои вещи уже лежали рядом с кучей отнятого оружия. Меч Одноглазого я узнал сразу — даже среди копий, кривых клинков и ремней он выделялся, будто знал, что я смотрю именно на него. Статуэтка Оберона стояла у самого корня — не как реликвия, а как трофей.

Олень с бородкой долго разглядывал меня.

Его глаза не были безумными. В этом и была главная мерзость. Он смотрел слишком осмысленно. Как вождь. Как хозяин. Как тот, кто уже мысленно делил мою плоть между своими подданными.

Потом заговорил.

Его голос не ломался так, как у его подручного. Он был хриплым, медленным, будто каждый звук сначала проходил через мох, грязь и гнилые корни.

— Кто ты такой, человек, что решил украсть у нас статуэтку нашего леса?

Я выпрямился, насколько мог в таком виде.

— Если она стояла в храме Оберона, то не слишком-то она ваша.

По толпе тварей прокатился низкий ропот. Крысы нервно зашевелились. Кабаны плотнее сжали топоры. Олень с эльфийским черепом шагнул ко мне, явно готовый ударить, но вождь остановил его одним движением лапы.

— Смелый, — сказал он. — Или глупый. Иногда это одно и то же.

Он медленно спустился на одну ступень ниже и обошёл меня кругом.

— Ты ломаешь корни. Ты трогаешь реликвии. Тыходишь в рощу, куда не входят твои. Ты ведёшь за собой вонючий рой и мёртвое войско. Так кто ты?

Я посмотрел на него и ответил единственное, что было по-настоящему честно:

— Тот, кому вы мешаете.

У него дёрнулась морда.

Не от ярости. От интереса.

— Значит, это правда, — проговорил он. — Не случайный вор. Не случайный путник. Это ты рвёшь лес на части.

Я промолчал.

Пусть сам договорит. Такие любят собственный голос.

И он не подвёл.

— Три корня уже мертвы, — сказал олень с бородкой, касаясь посохом камня. — Три жилы уже перерезаны твоей рукой. Ты думаешь, что убиваешь только стражу дерева. Но с каждым корнем ты убиваешь и замок на воротах. С каждым корнем ты ближе к тому дню, когда этот лес снова расправит плечи — уже не под королём, а подо мной.

Он остановился напротив и наклонил голову.

— Ты понял хоть что-нибудь из того, что сделал?

— Достаточно, чтобы хотеть сделать ещё, — ответил я.

На этот раз он улыбнулся.

Страшно.

Не широко, а тихо — как хищник, которому вдруг стало ясно, что добыча всё-таки умеет кусаться.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, и ломаться будешь с пониманием.

Снизу донёсся визг крысы. Вождь даже не посмотрел туда. Один из кабанов просто наклонился, оторвал мелкую крысу от земли и швырнул на нижний ярус, как мешок.

Твари жили здесь не как стая. Как племя. И этот олень действительно был у них главным. Я быстро огляделся, не двигая головой.

Мои бурые были рядом, голые, избитые, но ещё стояли. Зелёные тоже были с нами. И именно они вдруг показались мне самым важным, что у меня осталось.

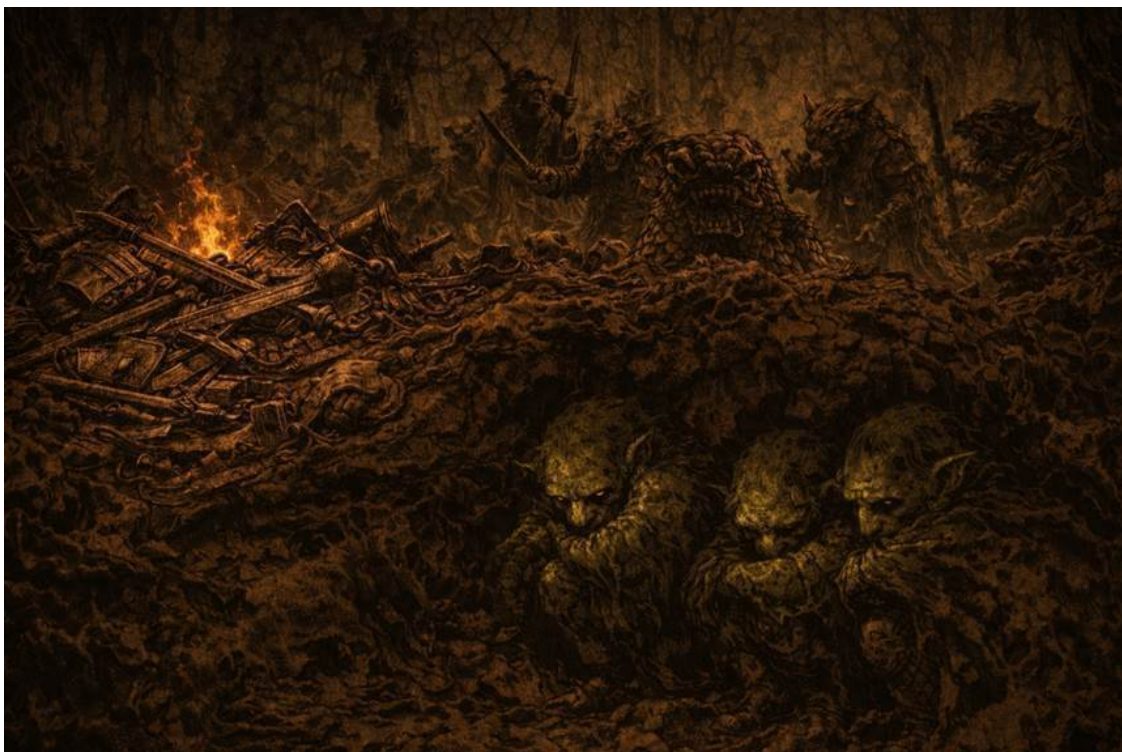
Потому что все остальные смотрели на меня.

А зелёные — на пространство между нами и оружием.

И тут я вспомнил их второй дар.

Если они замирали, если втягивали головы в плечи и прижимались к тени, глаза чужих переставали замечать их почти сразу. Я видел это в пещере. Видел у жуков. Видел, как они исчезали у стен, когда надо было проползти мимо смерти.

Если уж лесные твари чем и были похожи на лес, так это тем, что тоже привыкали не замечать то, что считали своим мусором.

Я едва заметно сжал пальцы.

И очень тихо, почти не разжимая губ, сказал:

— Зелёные. Не двигаться. Когда никто не смотрит — к оружию.

Они уловили всё сразу.

Замерли.

Сгорбились.

Почти исчезли.

Олень с бородкой тем временем снова повернулся к статуэтке.

— Ты знаешь, зачем нам она? — спросил он, не глядя на меня.

— Чтобы поиграть в королей.

Он хрипло рассмеялся.

— Нет. Чтобы помнить, как выглядел тот, кого мы пережили.

Он подошёл к статуэтке Оберона и провёл когтем по её алмазному плечу.

— Эльфы держались за красоту. За память. За порядок. А мы — за голод. Голод всегда живёт дольше.

Сказав это, он вдруг обернулся к оленю с черепом.

— Где остальные мелкие? Где вонючие зелёные?

Тот дёрнулся, огляделся и только сейчас понял, что видит не всех.

Вождь его не ударил. Но этого и не требовалось.

— Ищи, — сказал он спокойно.

Олень с черепом рванул вниз по ступеням, озираясь, злясь и шипя на крыс.

И вот это было именно тем окном, которого я ждал.

Пока вся толпа повела морды вслед за ним, зелёные скользнули к куче оружия так тихо, будто их и правда никогда здесь не было. Один лёг прямо под костяной выступ трона. Второй прополз между рогами и ремнями. Третий замер у самого меча Одноглазого.

Вождь начал разворачиваться обратно.

Я ударил первым.

Не кулаком.

Плечом.

Врезался ему в грудь всей массой, которой у меня ещё хватало. Олень с бородкой не ожидал этого от голого, избитого пленника. Он оступился на верхней ступени и рухнул спиной в свой костяной трон. Рога и позвонки треснули.

В тот же миг зелёный швырнул мне меч.

Я поймал его обеими руками.

Огонь в клинке ожил сразу, как будто все эти минуты тоже ждал только одного прикосновения.

— Убить захватчиков! — взревел олень с бородкой уже без всякой медлительности.

И логово взорвалось движением.

Крысы снизу начали натягивать луки. Кабаны рванули вверх по ступеням. Один из бурых подхватил копьё, брошенное зелёным, и сразу всадил его в морду первому бегущему кабану. Зелёные выдернули ещё два коротких клинка и ударили по крысам в ногах.

Я же не стал тратить первый миг на драку с толпой.

Я ударил по корню.

Меч Одноглазого вошёл в древесную плоть с яркой вспышкой. Но вместо треска я почувствовал сопротивление — будто бил не живую ткань, а толстый слой заклинания. Корень дёрнулся, свет внутри него взбесился, но сам он не лопнул.

Я ударил ещё раз.

Тот же результат.

И только тогда понял: пока олень с бородкой связан с ним посохом, четвёртый корень не дастся так просто.

— Не корень! — крикнул кто-то снизу.

Поздно.

Вождь уже поднялся. В одной лапе — посох. В другой — статуэтка Оберона, которую он успел схватить, пока падал. Он отпрыгнул с верхней ступени вниз так легко, будто не был старым вовсе, а был соткан из той же бешеной корневой силы, что питала логово.

И только сейчас я увидел за пьедесталом ещё одну деталь.

Знакомое колесо без одной спицы.

И рядом с ним — каменную дверь, утопленную в корнях и костях.

Снова механизм.

Снова что-то закрыто.

Снова не время разбираться.

Потому что в следующую секунду нас начали замыкать.

Кабаны вышли на третий ярус кольцом. Крысы заняли нижние ступени и рассыпались по сторонам, чтобы бить из луков под разными углами. Олени встали между ними, вытянув лапы и сжимая посохи. А сам олень с бородкой отошёл на несколько шагов назад, к самому краю логова, туда, где корневой свет делал его похожим уже не на зверя, а на идола.

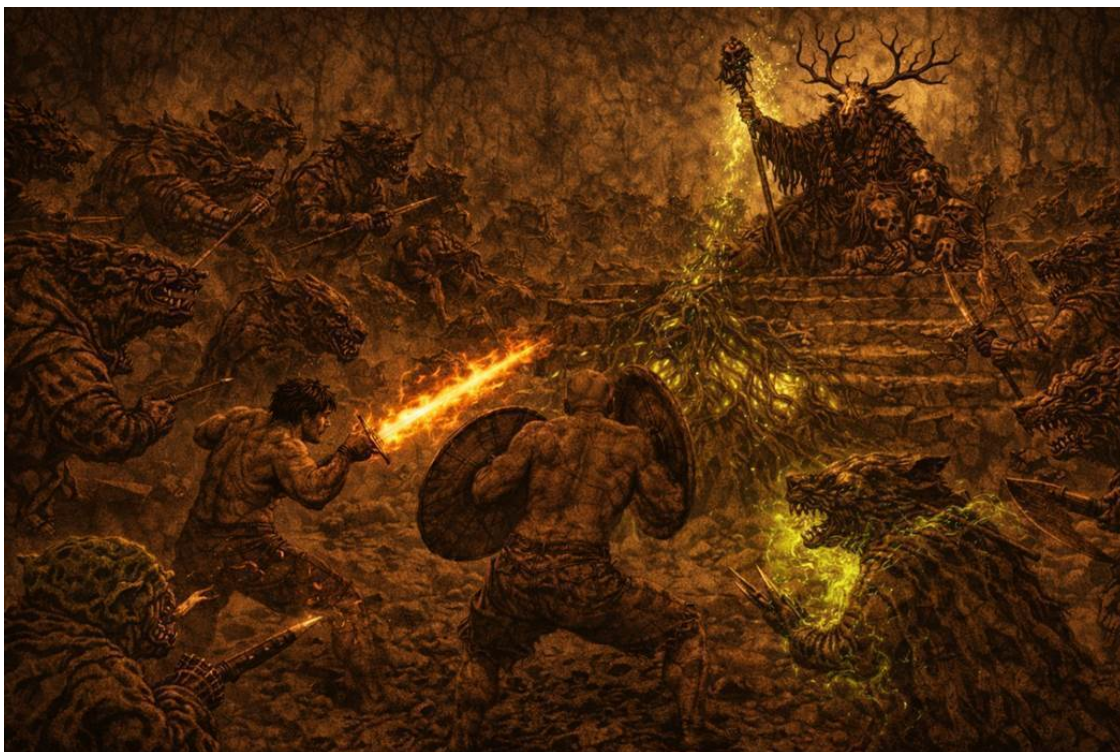
— Теперь правильно, — сказал он.

Стрелы полетели разом.

Я сбил первую, вторую, третью. Бурые рядом закрывались отобранными щитами, которые успели схватить у мёртвых кабанов. Один из зелёных завизжал и упал со стрелой в плече. Второй швырнул нож в крысу, и та рухнула на месте.

Но не пролежала долго.
Олень с бородкой ударил посохом в землю.
Из корня вспыхнул зеленоватый нервный свет.
Мёртвая крыса дёрнулась и снова встала на лапы.
Я замер на миг.
Так вот оно что.
Не просто сила.
Не просто ярость.
Он возвращал павших назад, если корень был рядом и ещё держался.
— Плохо, — пробормотал один из бурых.
— Очень, — ответил я.
Ситуация менялась прямо на глазах.
У нас были меч, пара ножей, одно копьё и ярость.
У них — логово, четвёртый корень, вождь, толпа и почти бесконечная возможность снова поднимать упавших.
Я срубил ещё одну крысу.
Кабан проломил плечом костяной выступ и полез наверх ко мне.
Слева олень уже заносил посох.
Справа по камням шёл новый строй крыс.
И в этот момент я понял: мы не вырываемся.

Мы только что сами влезли в центр того круга, который должен был нас сожрать.
Я поднял меч Одноглазого повыше.
Без брони. Без одежды. В крови, грязи и корневом свете.
А вокруг нас, ярус за ярусом, смыкался весь лес.

Тридцать девятая глава

«Лесное логово»

Нужно было что-то делать, иначе всем нам придёт конец.

Меч уже был у меня в руке, но сейчас он казался не оружием, а последней насмешкой. Со всех сторон меня сжимало логово лесных тварей. Надо мной, за моей спиной, слева, справа — всюду мелькали крысиные морды, кабаньи клыки, оленьи рога и чужие глаза, в которых было слишком много злобы и слишком мало страха. А за всем этим, на четырёхъярусном каменном пьедестале, у самого четвёртого корня, стоял олень с бородкой.

Корень Оберона пульсировал за его спиной, как вывернутое наружу сердце леса. По коре бегали зелёные жилы света. У основания корня, между костями, мхом и засохшей кровью, я увидел статуэтку Оберона. Значит, олень с эльфийским черепом уже успел отдать её вождю или положить туда как часть ритуала. Всё было хуже, чем я думал.

Мои слуги держали круг, но круг этот трещал и прогибался. Крысы били стрелами почти без остановки. Кабаны шли напролом. Олени стояли чуть дальше и шевелили рогами, будто не просто смотрели на бой, а дёргали за невидимые нити.

И тогда я увидел трёх кабанов.

Они были такого же размера, как тот зверь у храма, только теперь шли не поодиночке, а плечом к плечу, как три тарана. Их шкуры были обмазаны грязью и засохшей кровью, на плечах висели грубые ремни, а в лапах — тяжёлые топоры из чёрного металла.

— Вперёд! И сразу назад! — рявкнул я.

Мои слуги сорвались с места. Двое ударили с фронта и тут же отскочили, ещё двое зашли вбок. Кабаны заревели и, как я и рассчитывал, метнули топоры слишком рано. Один топор врезался в камень, второй ушёл в землю, третий зацепил плечо моего слуги, но не убил. В этот миг остальные навалились на кабанов сбоку.

Я сам врубился в ближайшего. Лезвие вошло под нижнюю челюсть. Горячая кровь плеснула мне на грудь. Второму подрезали сухожилие на ноге, и он с грохотом рухнул на колени. Третьего добили уже на земле, вдавив лицом в каменную пыль.

Три туши осели почти одновременно.

Но легче не стало.

Крысы продолжали стрелять. Стрелы били в камень, в трупы, в моих слуг, звенели рядом с лицом. Приходилось всё время двигаться. Я видел подножие костяного трона. Там, куда меня притащили раздетым, всё ещё лежала часть моего снаряжения: кираса, пояс, один наруч и сорванный наплечник. Не полный доспех — только то, что лесные твари не сочли нужным утащить или не успели пустить в дело.

Я дождался короткого просвета, когда слуги сомкнули передо мной щит из тел и оружия, и рванул к трону.

Стрела прошила воздух у самого виска.

Вторая царапнула бок.

Я рухнул на колени, схватил кирасу, на ходу втиснулся в неё, затянул ремни как попало, нацепил наруч и наплечник. Спина всё равно оставалась почти голой, бока — открытыми, ноги — без защиты, но теперь я хотя бы снова не чувствовал себя мясом на разделочном столе.

Мелькнула зелёная тень.

Один из зелёных, пригнувшись так низко, что его почти нельзя было увидеть, толкнул ко мне сорванный пояс и тут же исчез. Значит, они были рядом. Не сбежали. Не бросили. Просто ждали момента.

Я выпрямился.

И как раз в этот миг олень с бородкой поднял посох.

Свет четвёртого корня рванулся к нему, словно по жилам. Посох загудел. Камень под копытами оленя дрогнул.

— В-с-е... в а-т-а-к-у, — медленно, растягивая слова, произнёс он. — О-л-е-н-и... в-о-с-к-р-е-ш-а-т-ь м-ё-р-т-в-ы-х т-о-в-а-р-и-щ-е-й. М-н-е н-у-ж-н-а... е-г-о г-о-л-о-в-а.

И лес хлынул на нас заново.

Крысы побежали первыми. Они не прятались, не пытались выжить, будто им и правда было плевать на смерть. За ними пошли кабаны, уже без топоров, рыча и размахивая кулаками. Олени остались чуть сзади и начали ритуал.

Я увидел, как один мёртвый кабан вдруг дёрнул ногой.

Потом второй.

Потом крыса с пробитой шеей подняла голову и снова натянула лук.

По мёртвым телам пробегал тот же зелёный свет, что жил в корне и в посохе. Всё, что мы успевали убивать, поднималось снова.

— Проклятье... — выдохнул я.

Бой сразу стал другим. Уже было мало просто рубить и жечь. Мои слуги сбивали крыс, ломали им хребты, разбивали головы кабанам, но через несколько ударов те опять поднимались. Ноги скользили по крови, воздух хрипел от визга, рёва и треска костей. Я разрубил крысу почти пополам — она затихла, а потом снова заскребла лапами. Кабану вспороли живот — он свалился, но зелёный свет прошёл его тушу, и он полез обратно на четвереньках, волоча кишки по камню.

Так продолжаться не могло.

Я поднял взгляд на оленей и заставил себя не смотреть на сам бой.

И тогда заметил главное.

Не все из них делали одно и то же.

Часть оленей действительно воскрешала павших: они держали рога над мёртвыми, шептали, и зелёный свет шёл вниз, в трупы. Но другие олени, наоборот, отрывались от павших, отходили к вождю с бородкой, становились вокруг него на колени и начинали тянуть силу вверх — к его посоху. В эти мгновения мертвецы рядом с ними больше не поднимались.

Я понял.

Они не были всемогущими. Они выбирали. Или держать павших, или питать вождя.

— Слуги! — крикнул я так, что горло больно обожгло. — Не бейте всех подряд! Бейте оленей, которые отошли к посоху! Тех, кто кормит его! Сначала их!

Один из бурых слуг обернулся, коротко кивнул, и мой приказ пошёл по кругу.

С этого момента бой перестал быть бойней и снова стал войной.

Двое слуг приняли на себя кабана, трое рванули сквозь крыс к ближайшему оленю-ритуалисту. Тот даже не успел поднять рога. Ему разрубили шею, и в тот же миг сразу три мёртвые крысы, которые уже начали шевелиться, снова безжизненно осели в грязь.

Вот оно.

Я бросился туда, где ещё миг назад поднялся павший кабан. Убивать ожившего было бессмысленно, пока жрец жив. Значит, сначала — жрец. Я врезался в строй крыс, выбил одну ударом плеча, вторую рассёк снизу вверх, третью пнул в морду. За ними стоял молодой олень, весь в зелёных узорах. Он увидел меня слишком поздно.

Я отрубил ему руку вместе с посохом.

Свет погас.

Оживший кабан, который уже тянулся к горлу моего слуги, рухнул как мешок мяса.

— Ещё! — заорал я. — Так их! Так!

Теперь уже и лесные твари почувствовали перемену. Их атака начала ломаться. Крысы всё ещё стреляли, кабаны всё ещё лезли вперёд, но то, что падало, уже не всегда вставало обратно. Им пришлось оттягивать всё больше оленей к вождю, чтобы удерживать посох, а это означало, что на поле становилось меньше тех, кто поднимал мёртвых.

Мы нащупали слабое место.

И тогда враг ответил.

Два кабана, до этого дравшиеся на переднем крае, вдруг отступили, схватили нескольких крыс и оленей за шкурки, раскрутились всем телом, как гигантские пращи, и швырнули их прямо ко мне.

Я успел пригнуться только от первой туши.

Второй олень врезался мне в плечо, сбил с шага.

Три крысы упали почти одновременно с разных сторон.

Ещё несколько — сверху.

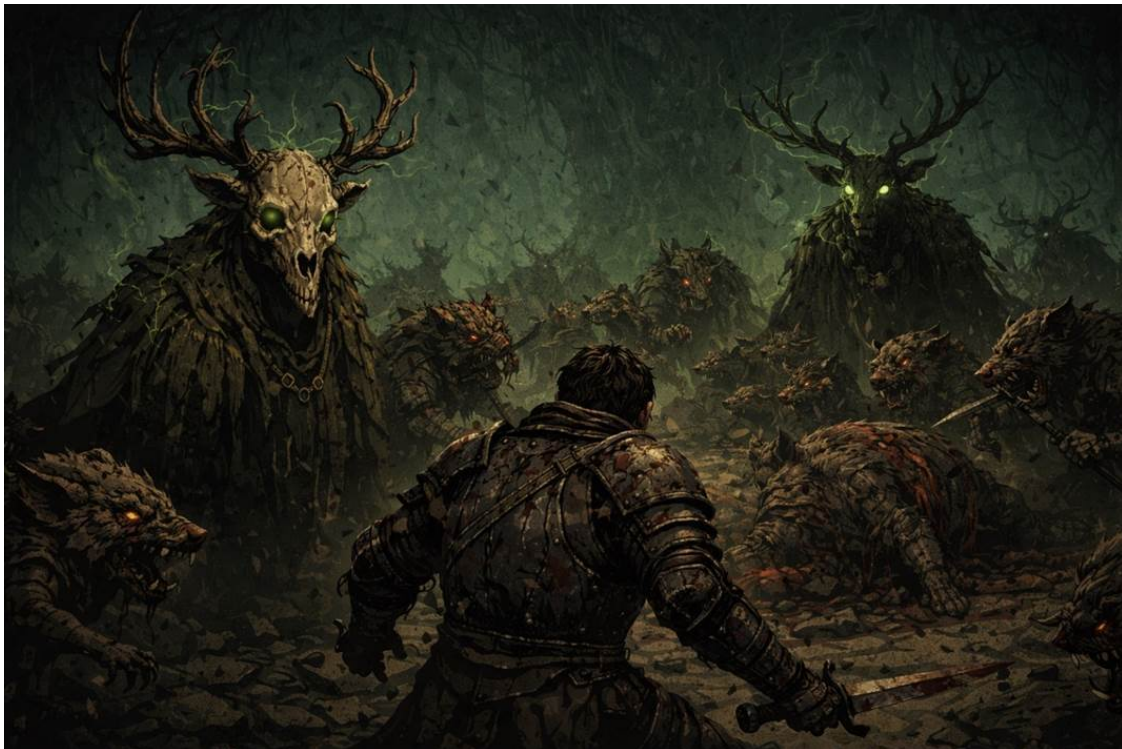
Меня отрезали от своих одним безумным, звериным приёмом. Пока мои слуги взяли в общей мясорубке, я оказался в отдельном круге смерти.

Передо мной приземлились два оленя и с десятков крыс.

Один из оленей был в эльфийском черепе.

Я узнал его сразу.

Тот самый. Тот, кто снял с меня броню. Тот, кто забрал статуэтку Оберона. Тот, кто гнал меня в логово как добычу, а не как врага.

На поясе у него статуэтки уже не было.

Значит, она у корня. Или у вождя.

— У-б-и-т-ь, — коротко произнёс олень с эльфийским черепом.

Крысы вскинули луки.

Я приготовился к боли.

Но стрелы не долетели.

Одна ушла в сторону, будто её отбили в воздухе.

Вторая раскололась.

Третья звякнула о чужой клинок.

Я моргнул.

И только тогда увидел зелёных.

Они были вокруг меня всё это время. Почти невидимые в дыме, в тенях, в крови, в хаосе, распластанные у самой земли и среди трупов. Теперь они открылись ровно настолько, насколько было нужно. Один бил по стрелам коротким кривым ножом. Второй подставлял древко копья. Третий уже прыгнул на крысу сбоку и вцепился ей в горло.

Они не исчезли.

Они ждали.

И подстраховали меня именно тогда, когда нужно было.

Я сам не заметил, как улыбнулся.

— Теперь это мои слова, — сказал я и перехватил меч крепче.

Зелёные сорвались вперёд.

Круг вокруг меня треснул.

Я не стал тратить ни секунды на красивый бой. Сначала убил обычного оленя — того, что стоял чуть ближе и уже начинал тянуть силу к посоху. Один шаг, резкий выпад, клинок под рёбра, разворот — и он рухнул.

Олень с эльфийским черепом зашипел.

Его оружием был длинный костяной клинок, вытесанный, кажется, из того же эльфийского останка, что и маска. Он ударил быстро, зло, сверху вниз, целя в лицо. Я поймал удар на меч, но сила в нём была бешеная. Меня продавило на полшага.

Он помнил, как я стоял перед ним голым и беспомощным.

Но теперь всё было иначе.

Он ударил снова — в шею, потом в живот, потом резко уводом в бедро. Я еле успел отскочить. Костяной клинок чиркнул по кирасе и сорвал один из ремней. Олень рванулся ближе, пытаясь вцепиться рогами и навалиться телом, как зверь, а не как воин.

Я дал ему подойти.

Ровно настолько, насколько нужно.

Поймал его локтем в грудь, отбил маску в сторону, шагнул внутрь и ударил снизу, коротко, без замаха. Меч вошёл ему под подбородок, но не глубоко. Олень дёрнулся, отпрянул, зашипел мне прямо в лицо, и я увидел в дырах эльфийского черепа не благородство и не древнюю мудрость, а только лютую, животную ненависть.

— Я... у-б-ь-ю т-е-б-я... — просипел он.

— Может, в другой раз, — ответил я. — Но не сегодня.

И рубанул поперёк шеи.

Голова в эльфийском черепе слетела не сразу. Кость скрежетнула о лезвие, будто не хотела отпускать. Но второй рывок сделал своё.

Тело рухнуло.

Я схватил голову за рог, развернулся и швырнул её к подножию пьедестала, прямо к копытам оленя с бородкой.

Череп прокатился по камню и остановился у его трона.

На миг всё вокруг будто бы замерло.

Потом я рявкнул:

— Никого не щадить! Убить всех! И принести мне голову этого бородатого ублюдка!

Мои слуги услышали.

И зелёные услышали.

И даже лесные твари услышали.

После этого бой стал ещё страшнее.

Потому что теперь дрались уже не за выживание, а за перелом.

Мои слуги начали сознательно рвать строй врага, вытаскивать оленей из-под прикрытия крыс и кабанов. Зелёные били из теней, коротко и точно, словно сами были частью этого логова, только отвернувшейся от хозяина. Я рубил то, что успевало подняться, и шёл вперёд через трупы, кровь и рваные куски коры, потому что теперь видел цель.

Не к корню.

К вождю.

Я уже знал, что просто добраться до четвертого корня и ударить по нему нельзя. Пока жив этот олень с бородкой, пока его посох пьёт силу узла, весь корень будет защищать своё логово. Значит, сначала — он.

Казалось, что бой длился целый день.

На самом деле, может, прошло меньше. Или больше. В логове лесных тварей время давно потеряло смысл. Были только волны. Волна крыс. Волна кабанов. Волна оживших трупов. Волна тех, кто ещё дышал. Я уже не чувствовал пальцев. Кираса висела криво. Один зелёный умер, прикрывая меня от стрел. Двое моих слуг полегли у пьедестала. Один кабан ухитрился раскроить другому слуге голову даже после смерти, когда уже дёргался в последних судорогах. Всё смешалось в одну непрерывную, вязкую, звериную резню.

Но в какой-то момент я понял, что визгов стало меньше.
Стрел — меньше.
Шагов вокруг — меньше.
Я поднял голову.
Передо мной, в нескольких шагах, остался только олень с бородкой.
Всё остальное вокруг лежало мёртвым или умирало. Кто-то ещё добивал крысу в стороне.
Кто-то хрипел. Кто-то полз. Но целого строя больше не было.
Мы дошли.
Я сжал меч и сделал шаг вперёд.
Олень с бородкой не выглядел побеждённым. Да, вокруг него валялись его же твари.
Да, голову правой руки он только что получил под ноги. Да, его ритуал захлебнулся кровью собственного племени. Но в его глазах не было паники.
Только усталая, тонкая улыбка.
Посох в его руках по-прежнему светился.
Точнее — не светился уже, а тлел глубже и злее. Не так ярко, как в начале, но тяжелее.
Я увидел, как от четвёртого корня к посоху ещё тянутся нитки зелёного света. Не обильные.
Последние. Но тянутся.

— Всё, — сказал я, подходя ближе. — Теперь ты один.
Он засмеялся. Тихо. Почти ласково.
И от этого смеха мне стало хуже, чем от любого крика.
— Н-е-т, — протянул он. — Т-е-п-е-р-ь... в-р-е-м-я.
Я нахмурился.
— Что?
Олень с бородкой ударил посохом в камень.
И прохрипел:
— П-л-а-н... «Б».
Сначала я подумал, что он зовёт новую волну.
Из тьмы и правда появились новые твари: крысы, ещё несколько оленей, два кабана.
Но уже в следующий миг я понял, что дело не в них.
Один из кабанов тащил на плече чёрную железную спицу — длинную, тяжёлую, будто вырванную из какого-то древнего механизма.
Второй волок за собой цепь.
И шли они не ко мне.
Они шли к колесу у закрытой двери, рядом с четвёртым ярусом пьедестала.

К той самой двери, на которую я раньше смотрел, но до которой не мог добраться в этой бойне.

Олень с бородкой всё это время не просто держал оборону.

Он тянул время.

Я рванулся вперёд.

Крысы сорвались мне наперерез.

Кабан со спицей уже почти добрался до колеса.

И только тогда я до конца понял, что настоящий удар по мне ещё даже не начинался.

План «Б» был не про новую атаку.

План «Б» был про дверь.

Сороковая глава

«Подкрепление лесных тварей»

Подкрепление не вырвалось из двери.

Оно потекло из темноты по краям логова, из щелей между корнями, из чёрных нор под камнем, из провалов, которых я раньше даже не замечал. На миг мне показалось, будто сам лес открыл пасть и выплюнул их в сердце этого проклятого логова.

Они отличались от тех, кого мы только что перебили.

У многих на головах были полуразрушенные черепа — не маски, а скорее обломки древних трофеев, приросшие к плоти. У кого-то не хватало половины лба, и сквозь трещины в кости светилась гнилая зелень. У крыс морды были перетянуты ремнями и костяными пластинами, у оленей рога — обвиты высохшими кишками, у кабанов — плечи вросли в старые dospешные скобы. Это были не просто новые бойцы.

Это были те, кого поднимали уже не раз.

Их вёл кабан со шрамом на глазу. Половины черепа у него не было, и там, где должна была быть кость, тянулась рваная мясная полоса, будто смерть уже однажды сорвала с него лицо, но не сумела дожрать до конца.

По правую руку от него бежал ещё один кабан — тот самый, со спицей. Он волочил её по камню, и чёрное железо скрежетало так громко, что резало слух сильнее визга крыс. Слишком громко. Слишком нарочно.

Тогда я этого ещё не понял.

— М-ы г-о-т-о-в-ы у-б-и-т-ь в-а-ш-е-г-о в-р-а-г-а, — прохрипел кабан со шрамом, не сводя с меня мутного, злого глаза.

Олень с бородкой стоял на пьедестале, на фоне четвёртого корня, и тонко улыбался. Слишком спокойно для того, кто только что потерял всё своё стадо.

— П-р-и-н-е-с-и м-н-е е-г-о г-о-л-о-в-у, — ответил он.

— В-ы в-с-ё с-л-ы-ш-а-л-и. Н-и-к-о-г-о н-е щ-а-д-и-т-ь, — рявкнул кабан со шрамом, и элита лесных тварей хлынула на нас.

Мои слуги встретили их сталью и криком, но уже через несколько ударов стало ясно: это не обычная волна.

Крысы исчезали в земле почти мгновенно. Не ныряли, не зарывались, а будто проваливались сквозь камень. Мой бурый рубил воздух перед собой — и в тот же миг крыса вылезала из-под ног у другого, вонзая нож в бедро. Зелёный прыгал на неё сверху — а из-под его колена уже выскакивала вторая.

Я вскинул меч, пытаясь достать ближайшую тварь, но острие только чиркнуло по пустоте.

— Не гнаться! — заорал я. — Держать строй! Не расползаться!

И в тот же миг понял ещё кое-что.

Олень с бородкой не бесился из-за потерь.

Он голодал.

Каждый раз, когда кто-то умирал под четвёртым ярусом — крыса, кабан, мой слуга, всё равно кто, — от тела к посоху тянулась тонкая зелёная нить. Едва заметная. Почти прозрачная. Но я видел её. Смерть вокруг пьедестала всё ещё кормила его.

Вот почему он не берег своих.

Вот почему ему было всё равно, сколько ещё трупов ляжет под корень.

— Всем в оборону! — крикнул я. — Не рваться вперёд! Пусть сами лезут!

Мои бурые сомкнулись плотнее, зелёные ушли в полутени по краям, и на несколько ударов сердца это даже сработало. Крысиные стрелы застучали по оружию и обломкам костей. Несколько тварей свалились на подступах к нам, и я уже подумал, что поймал их темп.

А потом один из кабанов шагнул вбок и вынул из-за спины не топор.

Цветок.

Точнее, что-то, что когда-то было цветком.

Чёрный, мясистый бутон размером с человеческую голову, весь в шипах и вздутых жилах. Кабан хмыкнул, крутанул лапой — и швырнул его, как мяч.

Я успел только крикнуть:

— Назад!

Поздно.

Бутон врезался в грудь моему слуге, лопнул, и в воздух брызнули ядовитая слизь, пыльца и тонкие хлётские корни. Бурый рухнул сразу. Две крысы рядом с ним тоже забились в судорогах. Кабан уже швырял второй, третий, четвёртый. Он не целился по-солдатски — он забрасывал нас гнилыми, ядовитыми комьями, как сумасшедший мясник на бойне.

Лесные твари дохли вместе с моими.

Оленю с бородкой было плевать.

Лишь бы вокруг корня становилось больше смерти.

— В стороны! — рявкнул я. — Цветки не рубить! Уходить от траектории!

Один зелёный толкнул меня в плечо, спасая от следующего броска. Цветок пролетел там, где секунду назад была моя голова, врезался в камень и разлетелся облаком зелёной гнили. Крыса, выскочившая из-под земли прямо под ним, захрипела и сдохла на месте.

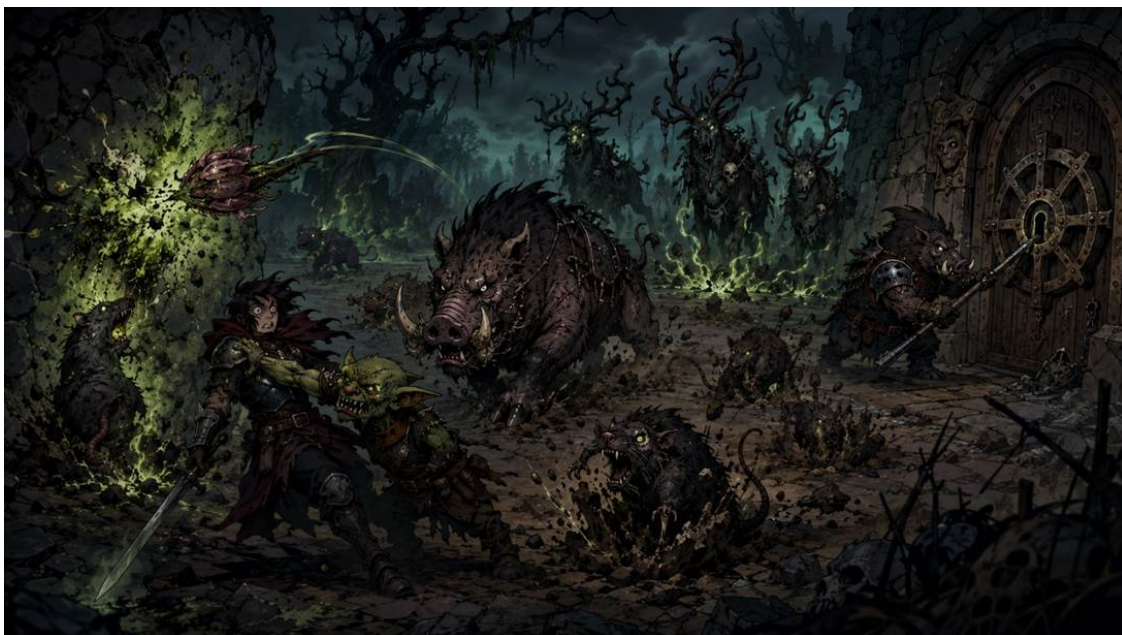
Теперь я видел весь рисунок боя.

Кабан со шрамом давил фронт.

Крысы ломали строй наскоками из-под земли.

Олени шли следом и шептали что-то новое, не то в корень, не то в камень под ногами.

А кабан со спицей всё время крутился у двери и колеса, гремя железом так, будто вот-вот вставит спицу в паз и откроет нам новую беду.

Он хотел, чтобы я смотрел туда.
Я всё ещё смотрел.
И этим он уже выигрывал мне секунды.
— Бурые, на оленей! — приказал я, увидев, что заклинатели снова выходят ближе.
Горстка уцелевших бросилась вперёд. Не глупо, не в лоб — по моему приказу, ровным срезом, как мы уже делали раньше.
Но эта элита ждала именно этого.
Олени опустили рога.
И бурые замерли.
Не от страха. Не от нерешительности.
Их ноги словно вросли в камень. Пятки прибило к земле зелёным светом, как гвоздями.
Один попытался рвануться — и под кожей у него от ступни до колена вспыхнули тонкие корни.
Второй заорал, когда из трещины в плите вокруг его сапога полез мох и мгновенно стянул ногу.
Олени шагнули вперёд и зарезали их почти без боя.

Меня захлестнула ярость.

Я уже не отдавал приказ. Я сам рванулся в их строй.

— За мной!

Зелёные двинулись следом.

Мы врезались в оленей раньше, чем они закончили следующее слово своего шёпота. Один зелёный проскочил почти по земле и вспорол ближайшему колено. Я срубил рог второму, а следом раскроил горло. Третий успел поднять руки — меч вошёл ему между ключиц. Зелёные не дрались красиво. Они били коротко, тихо, под рёбра, в пах, в шею, так, будто сами были порождением этого места, только однажды отвернувшись от хозяина.

Через несколько мгновений все олени второй волны лежали мёртвыми.

Но цена была такой, что внутри всё скрутило.

Из бурь рядом со мной осталась только горсть.

Из зелёных — тоже не все.

И кабаны продолжали швырять ядовитые цветки.

Теперь зелёные начали ловить их собой.

Один прыгнул под летящий бутон, принял удар в грудь и, уже падая, успел отбросить его в сторону от меня. Цветок лопнул вместе с ним. Другой подставил плечо. Третий поймал в живот. Каждый такой удар отнимал у меня ещё одну тень, ещё одно тихое лезвие, ещё одного из тех, кто прикрывал меня там, где бурый бы уже не успел.

Я стискивал зубы и шёл вперёд.

К вождю.

Не к двери.

Не к колесу.

Не к спице.

К нему.

Кабан со шрамом понял это и сам рванул мне навстречу.

Он не был тупой тушей, как многие до него. Он не сорвался в бездумный разбег, не кинул топор сразу. Он держал дистанцию, заставляя меня подставиться под ещё одну крысу, вылезшую из земли справа, а потом ударил резко, с бедра. Я поймал лезвие на меч, но руки отозвались болью. Кабан навалился всем весом, давя сверху. Из пасти у него воняло кровью, плесенью и чем-то давно сгнившим.

Слева выскочила вторая тварь.

Справа — третья.

И за их спинами снова мелькнул кабан со спицей, будто всё ещё собирался к двери.

Вот тогда меня наконец прошибло.

Слишком много шума.

Слишком много показухи.

Слишком явная угроза.

Он не открывал дверь.

Он заставлял меня верить, что откроет её с секунды на секунду.

План «Б» был не в воротах.

План «Б» был в том, чтобы я сам разорвал своё внимание между дверью, колесом, элитой и вождём — и дал бородатому оленю время.

— Это обманка! — заорал я. — Не смотреть на дверь! Убить их! Всех здесь!

Словно в ответ на мой крик, кабан со спицей развернулся не к колесу, а ко мне и, вскинув чёрное железо двумя лапами, пошёл в атаку.

Не ключ.

Копьё.

Вот чем была для него эта спица.

Он ткнул ей так быстро, что я едва успел отвести корпус. Остриё чиркнуло по наплечнику и сорвало его окончательно. Второй выпад уже летел мне в горло, но зелёный, весь в крови и с пробитым боком, прыгнул на древко, повис на нём всем телом и увёл удар вниз. Кабан заревел. Я шагнул внутрь и распорол ему брюхо по диагонали.

Он ещё держался.

Тогда тот же зелёный, уже падая, полоснул его по сухожилию.

Кабан рухнул на одно колено.

И я добил его ударом сверху.

Спица выскользнула у него из лап, со звоном ударилась о ступени и прокатилась к колесу.

Так и не встав в паз.

Кабан со шрамом увидел это и в ярости всё-таки метнул свой топор.

Я уклонился на одном только инстинкте. Лезвие пронеслось у виска, рассекло воздух и врезалось в каменный столб за спиной. В следующее мгновение я уже был рядом. Он попытался ударить клыками, но я знал кабанов слишком хорошо. Подсёк ногу, ушёл вбок, полоснул по шее. Один из зелёных вцепился ему в спину. Кабан вслепую отмахнулся, но только открыл грудь сильнее.

Меч вошёл под ключицу.

И на этот раз остался там до конца.

Оставшиеся твари дрогнули.

Зелёные молча дорезали последних крыс. Один бурый, весь в слизи и чужой крови, поднял выпавший кинжал и добил раненого кабана у стены. На площадке перед пьедесталом накопец стало тихо.

Слишком тихо.
Я шагнул к колесу.
Чёрная спица лежала рядом.

Ни в пазу.
Ни в механизме.
Ни даже рядом с тем местом, куда её можно было бы вставить одним движением.
И только теперь, глядя на неё в тишине после бойни, я понял до конца, как просто меня провели.
Он не собирался открывать дверь.
Он собирался заставить меня в это поверить.
Я резко поднял голову.
Олень с бородкой на пьедестале не было.
Холодок прошёл по спине раньше, чем я услышал голос.
— Т-е-п-е-р-ь... т-ы п-о-н-я-л, — прошипело у меня за спиной.
Я обернулся слишком поздно.
Удар ноги пришёлся мне в грудь.
Я слетел с нижней ступени пьедестала, ударился спиной о камень и на мгновение потерял дыхание. Мир вспыхнул белым. Мои уцелевшие слуги метнулись ко мне, но я уже видел его.
Олень с бородкой стоял не там, где я ждал.
Он был у самого корня.
Одной рукой он вырвал статуэтку Оберона из ритуального углубления между костями и мхом, второй поднял посох. Его глаза светились тускло, глубоко, злобно. Но страшнее всего была не сила.

Страшнее всего была его улыбка.

Тонкая.

Усталая.

Совсем не испуганная.

Вокруг него лежали горы трупов. Его стадо. Его элита. Его правая рука. Всё, что мы убили с начала бойни.

А он улыбался так, будто только теперь дошёл до нужного места.

Я поднялся, хватая воздух ртом, и, опираясь на меч, рванул обратно вверх.

— Стоять! — крикнул я, сам не зная кому.

Олень не побежал.

Он даже не отшатнулся.

— К-л-а-н л-е-с-н-ы-х т-в-а-р-е-й... б-у-д-е-т ж-и-т-ь в-е-ч-н-о, — прохрипел он и вогнал посох в четвёртый корень.

Камень дрогнул.

Не как от удара.

Как от судороги.

Зелёный свет рванулся по коре, по ступеням, по трупам, по луже крови у моих ног. Корень загудел низко, тяжело, будто в глубине дерева завелось что-то огромное и голодное. Статуэтка в лапе оленя вспыхнула мутным огнём, и я понял: он ждал не подкрепления.

Он ждал достаточного количества мёртвых.

Позади меня кто-то дёрнулся.

Потом ещё один.

Я обернулся — и увидел, как мёртвый кабан, тот самый, которому я только что вспорол брюхо, снова упёрся копытами в камень. Крыса без нижней челюсти подняла голову. Олень с разрубленной шеей вцепился пальцами в землю. Твари, лежавшие вокруг пьедестала, вокруг двери, у корня, на всех ярусах логова, начали возвращаться.

Не медленно.

Не тяжело.

Жадно.

Как будто смерть для них действительно была только короткой остановкой.

— Нет... — выдохнул я и бросился к бородатому оленю.

Но он уже уходил назад, сквозь поднимающееся мясо своего войска, легко, почти плавно, сжимая статуэтку у груди. Я почти достал его. Почти увидел, как лезвие войдёт под рёбра.

И тут мне в ногу вцепилась ожившая крыса.

Потом другая.

Кабан с разорванным боком поднялся мне наперерез.

Олень с бородкой отступил ещё на шаг — и всё так же улыбался.

— Я д-а-р-о-в-а-л в-а-м... в-т-о-р-ую ж-и-з-н-ь, — прокричал он.

— М-ы у-б-ь-ё-м и-х! — взревели восставшие.

Они пошли на нас снова.

Я сжал меч и увидел, как мои зелёные, израненные, редкие, оставшиеся, снова встают рядом. Бурый с разбитым шлемом сплюнул кровь. Кто-то из тварей уже лез по ступеням. Кто-то вырывался из-под других тел. Всё логово опять наполнялось визгом, рыком, треском костей и тем мерзким зелёным светом, который я начинал ненавидеть почти так же сильно, как самого вождя.

И только теперь я до конца понял, почему олень с бородкой не испугался, когда остался один.

Один он был только для меня.

Сорок первая глава

«Восставшие из смерти»

Сначала мне показалось, что я выиграл хотя бы несколько вдохов.

Не победу. Не перелом. Только короткую щель между смертью и следующей смертью.

Зелёный свет над четвёртым корнем начал гаснуть. Он уже не рвался из коры толстыми жилами, не бил по ступеням, не пульсировал в лужах крови так яростно, как мгновение назад. Купол над логовом дрогнул, стал мутнее, просел, словно с него разом сняли тяжёлую ладонь.

Я стоял посреди площадки перед пьедесталом, в порванной, кое-как возвращённой броне, с мечом в руке и с кровью на зубах. Полноценной защиты на мне всё ещё не было. Куски железа висели на ремнях, часть груди закрывала чужая пластина, чужая кровь засохла на коже коркой. Каждый вдох царапал рёбра. Каждый шаг отдавался в спине и в обожжённых мышцах.

Но свет угасал.

И я почти улыбнулся.

Почти.

Потому что в следующее мгновение понял: угасал не ритуал. Менялся его цвет.

Мерзкая зелень, к которой я уже успел привыкнуть и которую ненавидел всем телом, ушла глубже, под камень, под кору, под трупы. А сверху проступило другое сияние — холодное, сине-зелёное, мёртвое. Оно не било наружу. Оно смотрело.

Будто у самого корня открылись глаза.

Олень с бородкой стоял у подножия живого узла и улыбался. Не широко, не по-звериному. Тонко. Спокойно. Так улыбается тот, кто дал врагу самому дойти до нужной мысли и теперь наслаждается последней секундой до понимания.

В его лапе всё ещё была статуэтка Оберона. Посох он держал не высоко, не грозно — почти лениво. Конец посоха касался корня. Оттуда по древку шли тонкие синие прожилки, будто дерево внутри него наполнили ледяной кровью.

Позади меня что-то хрустнуло.

Я обернулся слишком резко и увидел, как мёртвый кабан со вспоротым брюхом снова упёрся копытами в камень. Из разреза у него вываливалось то, что должно было больше не держаться внутри, но зелёно-синие нити подхватили кишки, втянули их обратно и стянули рану грубым светящимся швом. Кабан поднял голову. В его глазах уже не было прежней ярости. Только голод.

Чуть дальше крыса без нижней челюсти задёргалась, вцепилась пальцами в камень и поднялась на локти. Она не могла рычать. Из развороченного горла вырвался мокрый свист, но лапы уже искали оружие.

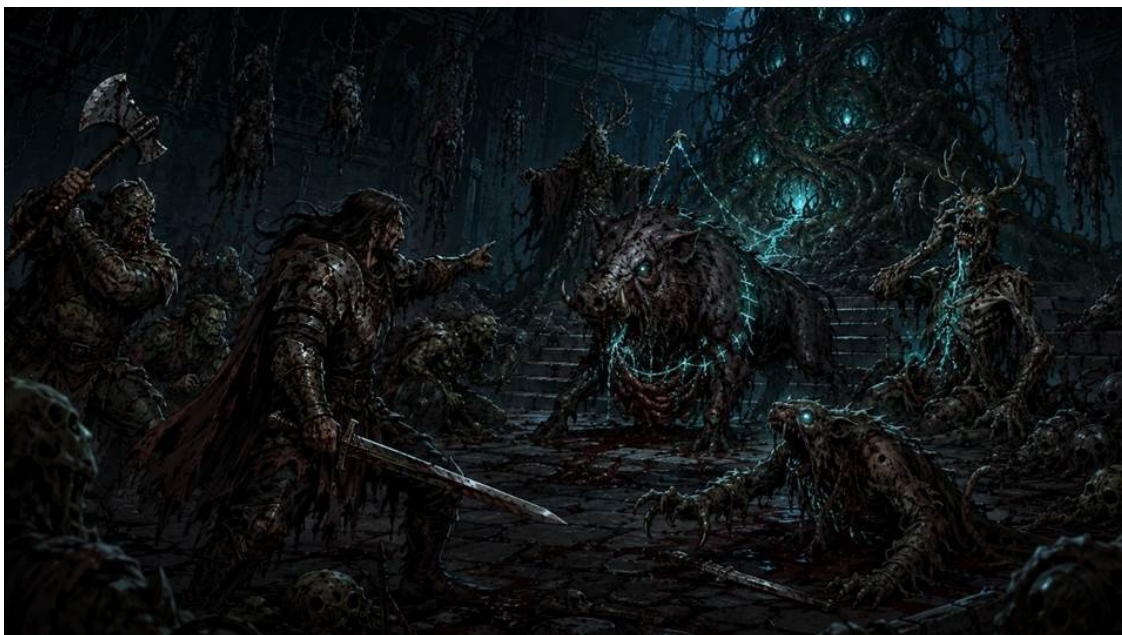
Олень с разрубленной шеей, тот самый, которого мои зелёные положили почти у ступеней, сел. Голова держалась на обрывках мышц и корнях света. Он не пытался поправить её. Просто повернул её рукой, как маску, и посмотрел на нас.

Они возвращались.

Не медленно, как мертвецы из сказок. Не тяжело, не растерянно. Они возвращались жадно. Будто смерть для них и правда была только короткой остановкой, глотком воздуха под водой, после которого можно снова рвать, жрать и убивать.

— Строй! — выдохнул я. Голос сорвался. Я ударил себя кулаком в грудь, чтобы вернуть в лёгкие воздух. — Ко мне! Не расходиться!

Мои уцелевшие слуги послушались не сразу. Не потому что боялись. Потому что их осталось мало, и каждый стоял среди слишком многих мёртвых. Зелёные, израненные, редкие, почти голые в своей крови, снова встали рядом. Бурый с разбитым шлемом сплюнул красным, вытер рот тыльной стороной ладони и поднял топор двумя руками. У другого бурого дрожала левая нога, но он всё равно шагнул вперёд и закрыл брешь плечом.

Я увидел их лица и впервые за весь бой понял, что они тоже устали умирать рядом со мной.

Но отступить было некуда.

Лесные твари пошли на нас снова.

Сначала — крысы. Они вырвались из-под тел, из трещин, из-под собственных мёртвых. Несколько ещё тащили за собой внутренности, но это не мешало им прыгать. Одна бросилась на бурого сбоку. Он успел развернуть щит и размазал её о камень. Череп треснул. Тело рухнуло.

Через миг крыса снова поднялась и вцепилась ему в икру.

Бурый закричал.

Я рубанул вниз и отсек ей обе лапы. Она всё равно пыталась ползти зубами, пока зелёный не вогнал кинжал ей в глазницу и не провернул клинок. Свет под её кожей вспыхнул, погас, потом снова загорелся.

— Они не держатся на ранах! — крикнул зелёный. — Хозяин, они уже не держатся на ранах!

Я сам это видел.

Раньше олень с бородкой поднимал их через жест, через посох, через прямой приказ корня. Теперь мёртвые вставали сами. Посох больше не звал каждую тварь отдельно. Он открыл для них дорогу назад, и дорога оставалась открытой.

Кабаны ударили второй волной.

Они не бежали красиво. Их не интересовал строй. Один прыгнул прямо на копыта зелёных, позволил двум древкам войти себе под рёбра, а потом просто продавил их весом. Сломал. Вдавил зелёного под себя. Тот успел вытащить короткий нож и вскрыть кабану горло, но кабан даже не заметил. Из горла хлынула кровь, смешанная с синим светом, а пасть всё равно сомкнулась на лице зелёного.

Я рванулся туда, но справа уже лез олень с развороченной грудью. Его рога были обломаны, шея почти перерублена, но руки двигались точно. Он бил не меня — моих. Он бил по тем, кто ещё мог держать линию.

Я встретил его мечом Одноглазого. Огненное лезвие вошло в ключицу и вышло под лопаткой. Тварь вспыхнула изнутри, рухнула на колени, на секунду стала просто мёртвым мясом.

А потом синий свет пополз по её позвоночнику.

— Нет, — сказал я тихо.

Слишком тихо для такого места.

Олень на коленях поднял голову.

Я ударил ещё раз, уже не по телу, а по шее. Отрубил голову полностью. Череп покатился по ступени, ударился о камень и застыл возле моей ноги.

Тело всё равно дёрнулось.

Пальцы скребанули по плите.

Голова раскрыла рот.

И тогда меня прошило пониманием сильнее любого удара: пока посох цел, им больше не нужна целость тела. Им нужна только связь.

Я поднял взгляд.

Олень с бородкой не участвовал в бою. Он стоял у корня, чуть склонив голову, будто слушал музыку. Под его копытами камень мелко дрожал. Посох сиял уже ярче, чем сам корень. Статуэтка Оберона в его лапе горела мутным внутренним огнём.

Он увидел, что я смотрю на посох, и улыбка стала глубже.

— Убейте его! — рявкнул я, показывая мечом. — Посох! Любой ценой сломать посох!

Зелёные услышали первыми. Трое сразу сорвались с места. Один скользнул под брюхом кабана, второй прыгнул через спину мёртвой крысы, третий побежал по краю ступеней, почти сливаясь с тенью.

До посоха не добрался ни один.

Из земли перед первым вылезли руки — не целая тварь, только руки, синие, мёртвые, с обломанными когтями. Они схватили зелёного за голень и вжали его в плиту. На него сверху тут же упали две крысы.

Второго перехватил олень с разорванным животом. Они сцепились так близко, что я видел, как зелёный вонзил зубы твари в щёку. Олень не вскрикнул. Просто прижал его к себе, и из груди оленя полезли корни света, прошили зелёному бок и пригвоздили его к чужим рёбрам.

Третий почти успел.

Почти.

Его сбил кабан без одного глаза. Кабан был мёртв уже дважды. Во второй раз ему раскроили череп, и половина головы висела набок. Но он всё равно ударил плечом, как тараном. Зелёный отлетел в сторону и исчез под копытами.

Я выругался и поднял с земли камень.

Не думал. Не целился долго. Просто вложил в бросок всю злость, весь страх, всю ненависть к этому посоху, к этому свету, к этому бесконечному возвращению мяса.

Камень полетел точно.

И не долетел.

Три крысы прыгнули разом. Одна поймала его грудью, другая мордой, третья лапами. Камень раздробил им кости, но сбился в сторону и ударил в ступень, не задев древко.

Олень с бородкой даже не моргнул.

— К-л-а-н... л-е-с-н-ы-х т-в-а-р-е-й... — протянул он, и его голос прошёл через весь бой, будто шёпот внутри черепа. — Н-е у-м-и-р-а-е-т.

Я почувствовал, как внутри меня поднимается не ярость даже. Холод.

Если бы я продолжал рубить их, мы все умерли бы здесь. Не сразу. Через десять вдохов, через сотню, через час — неважно. Они поднимались быстрее, чем мы успевали их добивать. Каждый наш удар становился только задержкой. Каждая их смерть — очередным вдохом для корня.

Оставался один шанс.

Самый плохой.

Я поднял меч вверх и выпустил огненный шар не в тварей, а в воздух.

Пламя рванулось под купол и взорвалось над нами короткой бело-оранжевой вспышкой.

На мгновение все повернули головы: живые, мёртвые, те, кто снова поднимался, и те, кто ещё не успел упасть.

Мне нужна была именно эта доля внимания.

Я вспомнил голос Паши. Его мерзкую уверенность. Его слова, которыми он когда-то хотел убить меня на кухне.

И повторил их уже своим голосом.

— Остановка, второе сияние!

Мир остановился не сразу.

Сначала он захлебнулся.

Крики вытянулись в одну тонкую нить. Кровь, летевшая из раскрытого горла, зависла в воздухе красными бусинами. Осколки зубов, капли зелёной слизи, синий свет в трещинах — всё стало неподвижным. Даже пламя над нами замерло, будто кто-то схватил его за горло.

Только я мог двигаться.

И двигался плохо.

Тело не хотело. Правая сторона горела болью, ноги вязли, дыхание рвалось. Остановка времени не делала меня богом. Она просто заставляла каждый шаг стоять вдвое дороже. Я чувствовал, как что-то внутри черепа скрипит от напряжения, как кровь стучит в висках, как сердце пытается пробить грудь изнутри.

Но я бежал.

Мимо крысы с раскрытой пастью. Мимо кабана, зависшего в прыжке. Мимо бурого, чей топор застыл в ладони на полпути к чужой морде. Мимо зелёного, прижатого к камню мёртвыми руками.

Я добрался до ступеней.

Олень с бородкой стоял почти неподвижно, но не полностью.

Это было хуже всего.

Его глаза двигались. Медленно. С трудом. Но двигались. Он видел меня даже в остановленном мире.

Улыбка не исчезла.

Я понял, что он ждал и этого тоже.

Тогда я не стал хватать посох руками. Не стал тянуться к статуэтке. Не стал пытаться отнять у него всё сразу.

Я ударил.

Огненный меч Одноглазого вошёл в древко посоха у самого навершия. Дерево не перешибилось сразу. Оно завизжало. Не затрещало — именно завизжало, живым тонким голосом, как существо, которому раскрыли позвоночник. Синий свет взбесился, пошёл по лезвию к моей руке. Я почувствовал, как холод кусает пальцы даже через рукоять.

Я ударил второй раз.

Древко треснуло.

Третий удар я нанёс уже не мечом, а всем телом. Врезался плечом в посох, прижал его к камню и сломал через колено ступени.

Мир сорвался с места.

Время ударило обратно так резко, что меня едва не вывернуло наизнанку. Все звуки рухнули разом: рёв, крики, визг, хруст костей, треск камня, вой корня.

Посох взорвался.

Не огнём. Светом.

Сине-зелёная энергия рванула вверх столбом, прошла купол и разлетелась по нему тысячами тонких трещин. Корень за спиной оленя выгнулся, как раненая змея. Ступени под ногами пошли волнами. Трупы, которые уже успели подняться, разом захрипели.

Крыса у ноги бурого осыпалась в серую мокрую пыль.

Кабан с зашитым брюхом открыл пасть, но вместо рёва из него вылетел свет. Он упал, и на этот раз уже не пытался встать.

Олень с отрубленной головой дёрнулся всем телом. Голова у моей ноги раскрыла рот, словно собиралась договорить чужую молитву, но из пасти потекла чёрная жижа. Потом и голова, и тело обмякли.

По всему логову смерть догоняла тех, кого у неё только что украли.

Они падали один за другим. Некоторые успевали сделать шаг. Некоторые — броситься. Некоторые — вцепиться в наших и умереть уже на них. Но свет уходил из их тел. Кости переставали держаться. Раны снова становились ранами. Мёртвое мясо наконец вспоминало, что оно мёртвое.

Через несколько мгновений на площадке стало тихо.

Не спокойно.

Тихо, как бывает в пасти зверя перед тем, как она сомкнётся.

Я поднялся с колена и посмотрел на оленя с бородкой.

Он стоял передо мной без посоха.

В его лапе всё ещё была статуэтка Оберона, но её свет потускнел. Трещины пошли по его пальцам, по запястью, по старой высохшей коже. Он уже не казался всемогущим. Без посоха он снова стал телом. Старым. Израненным. Сгорбленным. Почти настоящим.

Почти.

Я сделал шаг к нему.

За моей спиной кто-то из бурых тяжело застонал. Зелёные поднимались медленно, проверяя, кто ещё жив. Их осталось совсем мало. Слишком мало. Но они видели то же, что и я: армия лесных тварей наконец лежала.

— Всё, — сказал я.

Голос вышел хриплым, но спокойным.

Я хотел, чтобы он услышал именно спокойствие.

— Теперь я заберу статуэтку. Потом разрушу корень. Потом убью тебя. И на этот раз, олень, никто из твоих не поднимется следом.

Он склонил голову набок.

Борода, мокрая от крови и зелёной слизи, липла к груди. В глазах уже не было прежнего синего сияния. Только тусклый огонёк, глубоко-глубоко, как уголь под пеплом.

— К-л-а-н... л-е-с-н-ы-х т-в-а-р-е-й... б-у-д-е-т... ж-и-т-ь... в-с-е-г-д-а, — прохрипел он.

А потом бросил себе под ноги ядовитое растение.

Я узнал эти лепестки слишком поздно.

Цветок лопнул без звука. Жёлто-зелёный туман хлынул наружу, густой, масляный, с запахом сырой плесени и старой желчи. Он не поднялся вверх, как обычный дым. Он расплзся по ступеням, облепил ноги, щели между камнями, трупы у пьедестала. Мир передо мной исчез за один вдох.

Я отскочил, зажимая рот рукавом.

— Зелёные! — рявкнул я. — Внутрь! Найти его! Не дать уйти к корню!

Они пошли без спора.

Трое нырнули в туман сразу. Для них яд был не безвреден — я уже знал это, — но они держались в такой мерзости дольше бурь. Их тени растворились в жёлтом мареве. Я слышал, как они шуршат по камню, как коротко переговариваются щелчками, как один кашляет и тут же глушит кашель ладонью.

— Нет его! — донеслось изнутри.

— Ни у ступени!

— Ни у тела!

Я почувствовал, как холод ползёт по позвоночнику.

Не от яда.

Я обернулся.

Олень с бородкой стоял не в тумане.

Он был у корня.

Снова.

Не знаю, как он прошёл. Не знаю, когда. Может, в момент взрыва посоха. Может, пока я смотрел на умирающую армию. Может, он вообще не уходил от корня полностью и всё это время держал рядом с ним свою тень.

Но теперь он стоял у самого живого узла, положив обе лапы на кору.

И в его руках не было статуэтки.

— Статуэтка! — крикнул я. — Где статуэтка?!

Из тумана выбежал зелёный. Он шатался, глаза слезились, кожа на шее покрылась тёмными пятнами. В обеих руках он держал маленькую фигуру Оберона. Статуэтка была липкой от яда, но целой.

— Нашёл, хозяин, — прохрипел он. — Бросил. Как приманку.

Конечно.

Я вырвал статуэтку из его рук, и на мгновение мне показалось, что она тяжелее, чем должна быть. Тёплая. Пульсирующая. Словно внутри неё билось чужое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.